

Лой Быконах

ДРОВА КОТОРЫЕ ГОРЯТ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Лой Быконах
Дрова, которые горят

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Быконах Л.

Дрова, которые горят / Л. Быконах — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Дневник, жизнеописание, автобиография— всё это виды фиксации происходящего, чаще всего — фиксации событий, действий. Но что будет, если дневник будет состоять только из идей, чувств, переживаний? В этот момент он перестаёт быть дневником и превращается в полноценную книгу, понятную всем. Это история о болезни и выздоровлении, о том, что случается с человеком без его участия — или всё же именно в результате его действий? История концептуального бытия. Повествование о том, что происходит, когда ничего не происходит. Вопрос, встающий перед читателем: сколько миров одновременно пересекается в каждой точке его жизни? Содержит нецензурную брань.

Содержание

День 0.	5
День 1.	21
Конец ознакомительного фрагмента.	36

День 0.

*Чтобы было всё понятно
надо жить начать обратно
и ходить гулять в леса
обрывая волосы
А. Введенский.*

И нет у этой истории начала. Разве что, им можно было бы считать моё рождение, хотя и крайне высокомерно было бы думать, что до меня здесь ничего такого не происходило. Случалось, и ещё как! Всякое имело место быть, запинаясь о картину смазанных дней и последовательности ослепительных празднеств. Однако история несколько не о том, как оно всё БЫЛО или как оно ЕСТЬ, речь скорее будет идти о том, как этого всего НЕ БУДЕТ. Здесь снова можно было бы сделать ремарку, что это довольно-таки громкое заявление – в моей жизни произойдёт событие, которое уничтожит нечто, бывшее на свете всегда, безначальное нечто, а, следовательно, и бесконечное хотя бы в одном направлении. А тут я такой появлюсь и закончу сию историю своим великим жестом. Очень громкие слова, даже ещё громче предыдущих. Однако, в конце концов, и такое случается в жизни. Мало кто изначально рождается героем, мало кто на самом деле верит, что этим героем вдруг станет, но кто-то же всё-таки становится. Так какого чёрта?

Замечание. Очень интересны объекты, предметы, события, которые не имеют начала, но имеют конец. В них словно бы присутствует нечто, отличное от природы, и при этом нет ничего естественнее их. Они являются связующими нитями различных лоскутков реальности. Удаление этих нитей может привести к непредсказуемым последствиям, причём в данном случае слово "непредсказуемым" означает то, что оно и означает, без излишнего сгущения негативных красок.

Здесь я сталкиваюсь с ещё одной немаловажной проблемой: с чего начать рассказывать историю, которая не имеет начала? Что ж, если непонятно с чего начинать рассказывать эту историю, тогда начну рассказывать другую историю. Про двери, например. Это тем более оправданно, ибо имеет непосредственную связь с нашим объектом повествования. Тогда вот, про двери.

Это такое своеобразное происшествие, особое состояние, которое проще всего себе изначально представить, вспоминая про посттравматическое стрессовое расстройство психики, а вернее про один из его аспектов. А именно – когда человек в некой ужасающей ситуации попадает в такие условия, которые в его голове, в его сознании уже не умещаются, не могут полноценно существовать для него в его жизни, тогда человека выбрасывает в состояние шока, он теряет память, перестаёт понимать, что он – это он, и что всё происходящее с ним – реально, а не просто картинка из немого кино, в котором он участвует исключительно как наблюдатель (деперсонализация и дереализация, если говорить на умном птичьем языке).

Замечание. Этот научный штиль в речи обычно заставляет людей сразу вслушиваться и гораздо внимательнее воспринимать всю ту хрень, что ты скажешь дальше, даже если это и не хрень. Других же людей такие страшные словесные обороты сразу оттолкнут, что тоже неплохо, ибо с ними и говорить не о чем. Одна сплошная польза!

Вот как раз что-то такое я и называю дверями. Только, может быть, мои двери имеют гораздо меньший масштаб, но при этом и большую простоту открытия. Они случаются сами по себе, раскрывая то, что находится за происходящими событиями в некоторые произвольные моменты. Можно вообразить, что вся картина реальности – это на самом деле картина такая, написанная на тонком шёлке неким неизвестным искусным мастером. Только вот беда – нарисовано сие было уже довольно давно, все сроки стёрлись, вымелись из памяти, мастер решил заняться чем-то ещё в своей жизни, и прошлый свой шедевр, посчитав законченным, отправил на дальнюю полку своей кладовой. А от времени шедевр начинает трескаться, появляются надрывы. И вот их-то я дверями и называю. За ними – нечто из совсем другого измерения, из совсем другого видения, другого уровня. Причём всё, что отражается за этими дверями не просто какой-то частью своей лежит за пределами сего мира, а полностью находится там, даже самыми своими маленькими кончиками, что и делает данные видения абсолютно отличными от любого другого видения. Когда всё настолько иначе, сложно воспринять не так.

Замечание. Здесь можно вспомнить про наркотические путешествия, и задаться вопросом – а не то ли самое и там с человеком приключается? Да, это очень похоже, и вообще единственный случай, пожалуй, где воспринимается всё в точности так же. Разница лишь в том, что наркотики – это такой телепорт за двери, сквозь сей шёлковый гобелен, а двери – это именно найденный надрыв, в который ещё нужно зайти...

Как бы в скобках тут может задаться такой вопрос, притягивая за уши прошлую метафору – если лежит картина (труп) мира в этой самой пыльной кладовой, прорываясь за её границы, мы и увидим только эту никчёмную кладовку, на кой это может быть человеку нужно? А вот нужно, заявляю со всей возможной высоты, очень нужно, ибо это уже великое и крайне недоступное просто так событие. Его достижение уже оправдывает немалое количество человеческих грехов, говоря в христианской концепции. А если живым языком – да просто вдыхает жизнь. Ведь если ты всё же вырвешься, всё же родишься вновь в эту занюханную кладовку, то можно ведь попробовать дальше и дверку её пооткрывать, позаглядывать хоть одним глазком за неё...

На более близком и каждому доступном уровне, всё это добавляет огромное количество красок в окружающую действительность, ярких, живых, разноцветных, тягучих и ветреных, каких угодно. Здесь бы нужно вставить какое-то "но", но как-то и не вставляется. А что, собственно в этом плохого? Что не так в том, что выбрасывает человека из трезвости его здорового и земного рассудка в некие нездешние земли, никем не исхоженные, ничем не запачканные, в те земли, где нет слов и лишних звуков, где каждый листик на самой маленькой веточке потерянного в лесу дерева – это прямое послание тебе, прямое сообщение, что нужно то-то и то-то. Или что здорово то-то и то-то. Или бойся того-то и того-то. И т.д. Это имеет даже больше связи с объективной действительностью, нежели потребность поддерживать жизнедеятельность организма. Умиравший организм имеет начало и конец, что само по себе уже определено, тут нет загадки, не в чем разбираться, нечего понимать.

Замечание. Вообще человеческий организм исторически внушает в меня ужас, ибо это же хаос! Хаос, облачённый в форму тех, кто каждый день с тобою рядом, в форму тех, от кого никуда не денешься, не сбежишь. В форму повседневной жизни. И хаос этот, как и подобает хаосу, проявляет себя совершенно неожиданно, когда ничего не предвещает, только разве что сгущаются тучи. И нечего тут и поделывать, только остаётся, что готовиться сразу ко всему на свете.

И вот, дабы всё же приблизится к изначальной истории, стоит рассказать про одни двери, которые раскрылись передо мною непосредственно перед тем, как началась кульминация. На самом деле, правда, раскрылись эти двери передо мною чуть ли не за год до того, как происходили указанные события, но это не так уж и важно, природа времени не может измеряться секундами, минутами и часами, оно меряется ударами сердца, теми, что попадают в ритм.

Замечание. Вообще любые часы, которые человек собирается использовать в своих целях, должны, по меньшей мере, считывать показания пульса этого самого человека, чтобы на их основе вычислять ход времени. В идеале – чтобы они вообще неким магическим образом определяли силу происходящих в данном месте пространства событий. А нынешние хронометры можно разве что поставить где-то в пустыне на бесконечной батарееке, возведя тем самым памятник бессмысленности, воспетой ещё в первой половине прошлого века. ОБЭРИ-Уты были бы довольны.

Тогда эти двери определили очень много, хоть и в такой крайне легковесной области жизни, как настроение. Создали его, заложили фундамент, определили вектор. Это было событие эпохального масштаба в контексте одной отдельной личности, а встретил я его сидя в кресле и смотря в окно на расцветшую весну. Тогда ещё было совсем неизвестно и непредсказуемо то, что ждёт меньше, чем через год меня, и какую роль в этом всё будет играть весна, и это окно, и всё то, что за ним; то, как оно отразится в моих глазах, как преломится свет в моём восприятии всего этого, происходящего и происходившего. Тем и прекраснее и чище были те двери.

Надо заметить, что я всегда входил в них, но никогда не уходил далеко. Только входил, осматривался, брал то, что считал нужным и уходил обратно, к себе. Сложно сказать почему. Вернее – я об этом не думал. Нужно было вернуться – я и возвращался. Вопросов не задавать. Шагать своею дорожкой. Мы тут таких не любим. И всё в этом духе.

Замечание. Лево-право-лево-право-лево-право-лево-право-лево-право-лево-лево-право-лево... Ага! Сбился! Сбился! Вон из строя!

На самом же деле, если бы выйти, если бы не возвращаться, то, наверное, получилось бы лучше. Наверное, вышло бы очень много из того, что очень бы хотелось, чтобы вышло. Я ещё подумаю об этом на досуге.

И вот тогда, на стуле сидючи и в окошко глядячи на вылезшие в полную силу листья берёзы, на солнечные облака и холмы с выжженной травой на одном из боков их, я вдруг сначала вообразил себе, а потом и погрузился окончательно в другую картину. Там уже не было берёз, не было и холмов. Всё ещё было солнце, однако. И была пустыня. Бескрайняя, разумеется, хоть Эверест посреди неё поставь да заберись на верхушку, всё одно – никакого разнообразия в ландшафте. Всё одно желтоватое море... Пустыня, однако же, была довольно умеренная, не иссушала вусмерть своей жарой, не затягивала зыбучими песками, только донимала рассудок своей бескрайностью. Но у меня были ноги, а значит, я должен был идти, если не хотел стоять посреди этого всего на одном месте, неизвестно как долго и с какой целью. И шёл. Не знаю сколько, может час, может год, сложно сказать, мне почему-то не пришло в голову пользоваться песочными часами. (Да и слава Богу, как уже говорилось, ибо не показали бы они ничего, кроме того, как песок беззаветно сыплется вниз под действием гравитации.) Однако же, в некий момент до этой самой головы дошло вдруг, что пора сбросить повязку с глаз. И повязка была сброшена...

И передо мною вдруг предстал конец пустыни, причём совсем не такой, каким я его себе представлял. Буквально в полуметре от меня песчаное отсутствие дороги вдруг обры-

валось в огромнейшую пропасть. Я посмотрел по сторонам, тут была чётко видна граница пустыни, нервные, ломаные линии обрыва, с которых иногда ветром сдувало небольшие песчаные облачка. Я остановился. Нужно было осмотреться. Но пропасть была так огромна, что всё виделось в тумане, только очертаниями и зачастую даже просто силуэтами. Видимо, пустыня была на какой-то умопомрачительной высоте, на некой сверхгоре, а внизу лежал остальной мир. Я видел там леса, в них, кажется, были даже озёра. Чуть правее лежал небольшой городок, отсюда выглядящий так, словно там не было жителей, подальше – горы, не меньше моей, но не пустынные, а заснеженные. Прямо под моей пустыней лежала огромная зелёная равнина, с холмами и редкими деревцами. Я смотрел на это и пытался радоваться, но получалось не очень хорошо, потому что я никак не мог придумать, как же мне спуститься со своей горы туда, во что-то другое. Склон был отвесный и гладкий, ухватиться было совершенно не за что, словно это и не гора была, а огромная кирпичная стена. Я стоял и думал, что делать. А потом вдруг перестал. Я поймал себя в тот момент, когда улыбался. Вдруг ни с того ни с сего нашёл на своих губах улыбку, как будто и не мою, но родную, как ничто другое во всём этом свете. Она не стремилась залезть в меня, она сидела на моих губах, в ожидании, когда я сам гостеприимно открою ей всё, что только можно открыть. И я повернулся лицом к пустыне. И стало непонятно мне, а чего я тут, собственно, стою, переливая Каспийское море из пустого в порожнее? Что за вопрос о спуске? Пфи! Я отошёл от края, разбежался, что было сил, и рванул вперёд с обрыва, расправив запыхавшиеся без дела крылья. И полетел вперёд, куда-то туда, может к городу или к тем заснеженным горам. Правда, сейчас их стало хуже видно... Но это ничего, у меня же был ветер!

Собственно, в этот момент я и вышел из тех дверей, на самом интересном месте, как полагается. На самом деле, этого уже было достаточно (думал я). Я уже настроился очень на многое (думал я). Хоть и только в последней паре мыслей, но всё же я заметил эти крылья. Это было уже крайне важно.

Однако непосредственно в то время это мало что изменило. Тут был задел на будущее, как оказалось позже. Тот год тянулся, как обычно тянется год, который не содержит в себе важных событий. Что-то вроде бы и случалось, возможно, даже удача улыбалась мне в самом чистом и ясном своём виде, но не была принята мною так, как могла бы быть принята, во всей своей полноте. Были времена счастливых путешествий, в которых я принимал самую незавидную роль организатора, того человека, который всё создаёт, но ни в чём окончательно не участвует. И хоть путешествие и было полнокровным (думал я) и было оно в направлении моей любви (думал я), это неучастие в нём свело всю магию на нет и превратило его в простое перемещение в пространстве, пусть и крайне богатое на последующие воспоминания, которые сохранятся в памяти не меньше, чем до конца жизни.

Замечание. Сложно сказать, как воспоминания из текущей жизни отразятся на жизни следующей. Но я уверен, что настолько сильные впечатления, как те, о которых идёт речь, сохранятся обязательно и пройдут сквозь заслонку перерождения. Конечно, они уже не будут воспоминаниями, но как-то в течение последующей жизни о себе подмигнут, напомнят и подскажут.

В целом год сей имел внешний вид крайне обыденный, ничем не примечательный. Содержание же внутреннее было, хоть и тоже не вот уж примечательным, тем не менее, куда более сильным, чем можно было предполагать. Тогда повсеместная одиночь взглядов начала превращаться из двигателя прогресса в змеиный яд излишне большой дозировки, когда он уже перестаёт оказывать оздоровительно-бодрящего действия на организм, а ведёт скорее к судорогам и тошноте. Одиночь взглядов – это когда ты вроде бы такой хороший и социализированный человек, но вот беда – у тебя есть некоторые идеи. И донести эти идеи невозможно без

таких жертв, которые изменяют всё на свете, по крайней мере, на твоём личном свете. И такие жертвы ты принести не готов, ибо... Тут уже возможны варианты, причины у всех свои. Я считал, что сейчас просто ещё (или уже?) не время так активно действовать. Вечный синдром ожидающего. Вернее, сложно сказать насколько он "вечный", это будет видно уже в процессе повествования. Однако по итогу получается, что ты выступаешь в виде какого-то такого юродивого, который что-то пытается донести, а его в лучшем случае не понимают, не разделяют взглядов или просто не считают это чем-то важным. А это на самом деле важно, настолько, что в изоляции, в замкнутой системе, порождает столько энтропии, что никакой чёрной дыре и не снилось. Единственный выход – возгореться бессмертным огнём, раз и навсегда, устроить такой беззаветный рай на полчаса, уже не считаясь с тем, что случится с тобою, когда секундная стрелка пробежит все свои тридцать кругов. Да и неважно это. Категорически не важно. ТАМ всё это не значит совсем ничего. Зачтётся лишь сам факт, сам акт.

Замечание. Непросто, опять же, судить, каким именно образом и что там после смерти у нас "засчитывается", однако, если принять в расчёт, что физическая составляющая оставляет нас наедине с самими собою, то и логично предположить, что критерии будут из области духовного, душевного. А там ведь ценится процесс достижения цели, а отнюдь не сама цель. Можно стать героем внутренней войны, просто путешествуя за шаурмой в ближайший ларёк. И ничем такое героичество не хуже остальных будет.

В итоге, к моменту осуществления чуть названных событий общее состояние\настроение можно было бы удобнее и точнее всего описать таким вот дверным образом, явившимся вдруг после долгих размышлений над собственной бытностью, над тем, что же делать. Такой вот был образ.

Человек сидел на кухне и смотрел в окно, не отрываясь. Он мастерски умел ностальгировать, и сейчас занимался как раз этим. Причём ностальгировал не только по своему личному прошлому, но и по тому, что прошло у кого-то ещё, знакомого или нет, может у вон того бомжа с улицы или у водителя той огромной машины, а может быть и вообще у целой страны, народа, мира. Сидел, вспоминал, и неподвижно смотрел в окно.

Там у человека проносились пионерские отряды с бравыми песнями, дудками, барабанами, красными\классными галстуками, дедушкой Лениным и иже с ним; проносились деревни, покрытые снегом, заброшенные в далёкие северные ночи, поглощающие звуки любых слов и шуршаний; проносились математически ритмичные города и какофоничные подворотни мира, долгие пробки, световые года стихов на антикварном столе без ножки, стихов обо всяком таком, что прекрасно, о всяких драконах, летающих кошках, звёздных бактериях, лунных кострах, в общем, о всяком таком превосходном, что в мире не случается. Всё это и много ещё кой-чего человек вспоминал, и было тепло ему прямо до слёз, так и сидел, горько плакал, счастье своё собирал.

А потом приходилось вставать да идти на работу, а потом возвращаться домой, где жена. А вдруг сегодня получка? Так это же, господи, пить же придётся, там, в гаражах, с мужиками. Они тоже ведь любят вот так, вспоминать, да только у них всё как-то не очень, не те ощущения, сила не та... Слабоватые игроки для него, да и любит человек играть в одиночку, ибо так веселей. Так потеплее и поспокойнее, так оно чище, красивше, милей...

И вот человек всё терпел прям до вечера, чтобы тогда уж в большой темноте, засесть пред окошком и... что-то там видеть, даже когда вьюга, шторм или апрель. И было прекрасно, и чувствовал он, что так хорошо убегает отсель, радостно, прямо вприпрыжку, за самый дальний-предальний большой горизонт. И всё побеждалось, гремело рассветами и ордена возлагало на грудь, закалённую в несусветных путешествиях из пункта Один до края Вселенной.

А жена человека очень грустила. Муж забывал спать, принимать душ, даже есть и пить... Очень похудел, побледнел весь, осунулся, и глаза его стали пустыми. Она понимала, что он куда-то уходил, да только знала прекрасно, стоит он перед ней, а завтра ему на работу, а брюки его будто бы краденные теперь у какого-то неряшливого старика, уже еле держатся, стремятся свалиться в самый момент. Она улыбалась ему очень грустно, гладила по голове... Закрывала глаза... И тоже начинала вспоминать, тоже растворяться на той же кухне, но совсем в иных далях, совсем в иных плоскостях, вогнутостях и выпуклостях... И вот стояли они так на этой кухонке, и слепо смотрели в самые глубины собственных душ, и видели то, что хотели, и счастливы были, несмотря ни на что.

Замечание. Для счастья нужно вообще непонятно что.

Вот такое было общее состояние. (Здесь, однако, до конца не разрешённым для меня вопросом остаётся то, а кто, собственно, из этих двух блаженных людей на самом деле моё состояние точнее описывает – человек или жена его? Оба похожи в основе, но частности, поверхности настолько различны, что никак не списать со счетов...) Это когда ты вроде бы крылья-то свои и смел рассмотреть, пусть даже мельком, пусть даже намёком, но всё же узнал, что они существуют, да вот только никаких мышц и умений для того, чтобы ими воспользоваться в себе ещё не обнаружил. И стоишь, как дурак крылатый, пытаешься чего-то делать, как-то пошевелить ими хоть чуть-чуть, не понимая даже принципа, и ничего не шевелится, не движется, не колышется. И терзать начинают сомнения, однако не те, о которых можно было бы подумать. Сомнения, скорее, свойства такого – ну и что, что крылья? Может быть, это и не значит вовсе ничего, может быть нужно точно так же, как раньше, нормально жить, никогда не тужить, исправно работать, аналогично и пить, и не бояться бояться. Может быть, сам себе что-то придумал, да ошибся? Может пора расслабиться да отступить? Ибо хуйня какая-то получается.

Такие мысли часто преследуют, когда находишься в самом начале некоего огромного либо по размеру своему, либо по важности пути, и сомневаешься в силах своих, не хочешь ошибиться. Но так же нельзя. Ничего не получится. Нужно идти.

Замечание. На такую ловушку натькается каждый человек каждый день каждой жизни. Постоянно есть выбор, вечно есть возможность свернуть, двинуться другим путём, который по сердцу, и этот самый путь оказывается обычно самым странным, непонятным, неприкрытым как будто на вид. И человек, опираясь на багаж собственных знаний и воззрений, боится не пролезть с этим багажом в свои собственные врата, каждый раз оставаясь там же, где ему изначально и откровенно не хочется быть.

Я и шёл, запинаясь и спотыкаясь о всякие воинственные кочки, некоторых из которых и природе-то никогда не бывало. Вообразить себе мерзкий сучок, об который потом можно весело и не менее воображаемо спотыкнуться и нос себе расквасить, обиженно уйти, зализывая прочие ранки – это замечательно и легко. Это выход, который негативно выбран. Есть такое понятие в психологии – негативный выбор. Это когда не получается найти решение какой-то задачи, потому что ты его уже знаешь, просто оно находится в несколько другой плоскости, нежели та, на которую ты сейчас лупоглазо пялишься. И выбор такой осознать для себя можно, конечно же можно, только нужно для этого перестать задачкой сией заниматься, отложить на время, отойти, и всё решится. Это уже вызывает диссонанс в человеке, ибо как же так, ведь для решения требуется что-то делать, пахать и убиваться, само ничего не случается. Забывает человек, что он не лошадь, чтобы пахать, забывает, что на самом деле изначально хорош, хоть и говном обмазан немало, и что работы проделано на самом деле гораздо больше, чем кажется

ему. А человеческое же сознание склонно такие шутки постоянно проделывать с нами, негативно выбирать пути отступления и действовать сразу же, не советуясь, в соответствии с этим выбором. Отсюда и берутся воображаемые пинки и подножки. Ибо всегда ведь есть такой простой выход – просто сбежать, сдристнуть, откровенно говоря. Проблема решится, или хотя бы перейдёт в менее острую свою стадию. И замечательно! Мозг молодец! Всё порешал и вышел победителем. Настолько хитрым победителем, что придумал уловки, чтобы нас наебать и сделать такое изящное движение по пути наименьшего сопротивления. Словно великий ленивец, не желающий перелезть с одной ветки на другую всю свою жизнь.

Замечание. До тех пор, пока психология изначально не исходит из идеи, что мозг и сознание – это главные человеческие наёбишки, серьёзно рассматривать эту науку не имеет смысла. Для подтверждения данной гипотезы уже есть масса книжечек, написанных всякими маститыми и не очень учёными мужьями, однако это даже и ни к чему, ибо свой человеческий мозг и сознание у каждого ведь есть. Достаточно просто заглянуть поглубже в зеркало.

Так-то оно так, но далеко на таком двигателе не уехать. Это – большущая и хитроумнейшая ловушка, хоть и довольно простенькая при этом, которая может завести в незаметный тупик, стоит только вспомнить борхесовских генералов, меряющихся своими лабиринтами. Когда открыты все дороги, никогда не знаешь, куда бы двинуться, это и озадачивает. Это и ослепляет. Но – несколько не ограничивает, как может показаться. Ограничения на беспредельность человек накладывает уже сам, чтобы случайно с ветром не улететь в тридевятое королевство.

Замечание. Повсеместный беспросветный инфантилизм и боязнь казаться несерьёзными детьми – это какие-то, казалось бы, несовместимые черты нынешнего нашего окружения, однако наоборот, крайне совместимые и даже логичные. Первое является причиной второго. Только ребёнок будет горевать и злиться от того, что его считают ребёнком.

И был я в то время ослеплён, ещё не окончательно, но уже необратимо, если только не встретить, не дожидаться какого-нибудь постороннего хирургического вмешательства. И делалось много тогда, на самом деле, но так слепо, так неуверенно, что будто бы и не делалось вовсе. Я посещал некие мероприятия, именуемые "поэтическими вечерами", выступая там в качестве почётного автора, вещающего с другой стороны горизонта. Действительно, довольно почётное и благозвучное звание, и действительно выделялся и там, ибо каждый пришедший говорил о человеках, а я не говорил о человеках. Это довольно тонкий момент, когда ты пытаешься одно и то же событие рассмотреть изнутри некоей социальной группы, к которой принадлежишь, и когда описываешь его извне всего, чего только можно. Разумеется, в последнем случае остаёшься безобразно, непомерно один, ибо с кем объединяться, если нет ничего, что бы объединяло? Чем связаться, когда все связи были вырваны? Да ничем. Вот ничем и не связывался. И слушали люди меня, слушали такой вот взгляд, который не то что понять не могли, ещё как могли, на самом деле, а скорее не могли прочувствовать до конца, откуда берётся сие, что нужно сделать, чтобы оно пришло. Оно ведь к любому может прийти, кто сделает шаг, хоть маленькое движенье навстречу.

Замечание. Я никогда не сомневался, что то, что я делаю, может делать любой. Вообще любой человек, каким бы он ни был, если только сделает свой шаг навстречу за горизонт. Это всегда было аксиомой, как то, что стоя ночью в глухом лесу в полнолуние ты далеко не единственный, кто смотрит на эту же луну, что ты занимаешься тем же, чем

занимаются ещё люди на сотни километров вокруг тебя, и все видят ту же луну. Только в чуть разных видах, чуть разных позах и локациях.

Но никто не делает. Это странно, но не делал никто ни малейшей попытки исследовать то, о чём ведётся речь. Мне не было обидно от этого, не было гордо или праведно, мне было просто странно. Словно бы что-то в жизни не так. Что-то пошло каким-то не в меру искривлённым путём к такой же искривлённой цели. А ещё больше и ещё вернее казалось, что и вовсе нет никакой цели, и бытует броуновское движение под особо въедливым присмотром...

Однако я был всё же скорее примирён с таким положением вещей, принял его, как некую данность. Сознательно принял. А бессознательно старался найти всевозможные опровержения тому, что же я принял. И всех вокруг, с кем видел хоть каплю, хоть отблеск некой схожести взглядов считал я своими родными, членами одного карасса, говоря по Воннегуту. Безусловно, ошибался жестоко. И вообще, много позже уже, как некая рефлексия над уже прошедшим, открылась мне за дверями на сей счёт такая вот картинка. Не лишаясь истинного волнения, предшествующего великим делам, некто ждал посетителей, высоко поставленных в душе его.

И вот, долгожданные гости, наконец, пришли. Человек держался чинно и гордо, как обычно, будто бы он тут начальник, а пожаловали к нему подчинённые, а отнюдь не его друзья. Они раздевались в прихожей, скидывали свои летние пальто (на улице что-то хмурилось, и дул колючий ветер). Человек здоровался с каждым из гостей взглядом, не тёплым и не холодным, скорее будто бы подсчитывающим количество пришедших. На самом деле это, конечно, было не так. Гости были действительно долгожданными, просто он привык так держать себя.

Проходя в комнату, гости натыкались на стол с богатыми и обильными яствами, по центру даже стояла какая-то запечённая птица, поразительно напоминавшая курицу, но размером смахивающая скорее на доброго страуса. Гости расположились, благодатно, но как-то вяло улыбаясь; занял своё место и сам хозяин. Каждый положил себе кушанья на тарелку, налили красного терпкого вина.

– Ну что ж, за встречу! Хорошо, что мы добрались сюда и наконец-то смогли повидать друг друга! За это стоит выпить. – Произнёс один из гостей, высокий мужчина с сильно загоревшим лицом и совсем белыми волосами.

Все осушили свои бокалы и подивились вкусу вина, ибо стало всем так хорошо, когда ощутили они его вкус. Начались застольные разговоры. Надо сказать, что человек так и держал себя словно выше всех этих людей, хотя совсем себя таковым не считал и говорил на равных. Однако во всём его выпячивающем вперёд грудь виде, в его полуприщуренных глазах, в его очень громком и ровном дыхании ощущалось словно бы что-то совсем иное.

– Да, дорога была непроста. Ты далеко забрался. – Говорил гость с большой лысиной и широкой улыбкой. – Но зато какие прекрасные у тебя сады! Никто из нас никогда таких не видел, и не видели мы даже на картинках тех плодов, что дают деревья в твоих садах. Как они называются?

Но человек не знал этого. По правде говоря, он иногда забывал, что у него есть сад. Он любил работать там один, он, собственно, сам его полностью и создал, но возможно из-за таких титанических сил, затраченных на его создание, а может и от чего-то другого, он не мог оценить всей его красоты и величия. А он был велик. Если залезть на крышу трёхэтажного дома, то можно увидеть, что сад этот простирается от горизонта и до горизонта во всех направлениях, а если б было откуда повыше взглянуть, то и ещё б дальше. Человек знал, что у него есть фруктовые деревья, но никогда не задумывался что это за деревья. Знал, что их плоды съедобны и вкусны, но никогда не пытался уловить оттенки вкуса. Даже сейчас, когда ему сказали, что ничего подобного с роду не видели и не ели, у него в голове возникла только одна мысль, вернее даже не мысль, а какое-то бессловесное состояние принятия, что-то вроде "угу" или "так бывает".

Когда гости добрались до птицы, их снова ждал сюрприз – мясо оказалось таким мягким, сочным и вместе с тем питательным, что даже сложно было сравнить его с мясом какого-то другого известного животного. Все снова стали интересоваться, что же это было за существо, как вдруг с улицы раздался какой-то страшный и противный крик, похожий на очень громкий предсмертный стон. Все высыпали на улицу и узрели удивительную картину. На перилах балкона второго этажа дома сидела птица, точь-в-точь похожая на страуса, только с огромными прекрасными крыльями чёрно-серого цвета. Гости раскрыли рот от изумления. Птица же, заметив их, встрепенулась и взлетела, неистово размахивая неестественными крыльями, и чуть не моментально исчезла где-то глубоко в саду.

– Вот это и есть та самая птица, которую вы изволили вкушать за столом. – Проговорил с улыбкой хозяин, который только что сам наконец вышел из дома к гостям.

– Как же она называется? – спросили его. – Это же просто чудо!

– Дык ведь страус же это! – даже как будто удивлённо отвечал тот.

Гости смущённо замерли, не зная как реагировать на это.

– Но, ведь, – начал кто-то осторожно, – страусы же не летают.

Хозяин усмехнулся.

– Ну, ты видел его?

– Видел.

– Он летел?

– Летел.

– Дык как же он не летает, раз полетел? – чуть не выкрикнул хозяин и громко рассмеялся.

Все смущённо вернулись к столу. Они ещё много о чём говорили, многому удивлялись и самую малость смеялись.

К вечеру нужно было разъезжаться по домам. Все стали спрашивать хозяина как им проще всего добраться до их домов, ведь в его садах было огромное количество дорог, от чего он напоминал бы лабиринт, если б на каждую из четырёх сторон света не выходила одна широченная и прямая дорога, ведущая прочь из его владений, к выходу, который был где-то там, за горизонтом. Но как раз из-за размера его земель гости хотели сразу выехать поближе к своим домам, чтобы успеть до темноты и не плутать тут ночью. Тут человек совсем уж попал впропак, когда начал говорить, что куда бы каждый из них не поехал, он всё равно выйдет из его сада там, где тому будет нужно. Гости смотрели на него как на идиота, когда он объяснял, что не знает, как это получается, а знает только что это так. На него будто бы даже обиделись. И все поехали прямыми дорогами, ведущими за горизонт. Никто не стал потом сворачивать на тропки, и большая часть провела эту ночь в машине, ругая человека последними словами. А когда отъезжали, наконец-то разразился дождь.

Человек жил отшельником в пустыне уже многие годы, и это был первый дождь на его памяти. Хоть никто и не остался доволен, и даже несмотря на то, что никто не приезжал, человек был рад. А как же, ведь скоро тут всё зацветёт! Теперь-то уж точно...

Замечание. Если не понятно чувство, которое пронизывает всю эту историю, прочитайте её ещё раз очень внимательно.

С таким же вот чувством, ощущением и волнением искал и я своих соратников среди местных писателей и поэтов, и не мог найти никого, за кого бы ни хватался. И вот, в какой-то момент, попавши в ту самую ловушку сбегания, сбежав прочь с одного из таких вечеров, стал задаваться вопросом – а зачем мне это нужно? Вопрос важный и сильный, ибо действия сии, хоть и были, по меньшей мере, неким подобием настоящего праздника, всё же воспринимались довольно тяжело, подготовка и выступления отбирали огромное количество сил, толком ничего не давая мне самому, кроме возможности свои силы на это потратить. И ехал тогда я домой,

будто бы сильно болея, и думал – прав ли я, что вообще нахожусь там, где нахожусь? Не набал ли я себя в стремлениях своих? И прочие, уже озвученные ранее вопросы, свойственные ловушке лениности.

Однако, через время, решил я дать этому поприщу ещё один шанс. Хоть и звучит сие крайне величаво, на самом деле совсем не так обстояло дело в действительности. Я сам, именно я, вообще ничего не давал и не решал. Так получилось. Гурджиев говорит, что вообще всё в жизни человека просто случается с ним, с этим спорить можно, хоть и очень сложно, но вот в данном случае и спорить-то даже не приходится. Ибо случилось так, что снова засверкало то душевное единство, причём ярче всех остальных многократно, с одним из членов нашего кружка, кругом назвать его не очень-то получается, слишком уж малочисленен он был. И единство сие вернуло меня на какое-то время обратно в строй, обратно в то общение и деятельность, о которой уже говорилось.

На этом моменте, пожалуй, и поставим мы начальную точку описываемых событий. А почему бы и нет, если настоящего начала не существует, так почему бы его не обозначить, не вписать под каким-то днём: "Тогда начались великие дела!""? Это же красиво, это очень красиво!

Замечание. Я думаю, что Библия начинается с сотворения мира примерно по такому же принципу. Просто нужно было с чего-то начать, это удобно, но слегка удручает, ибо оставляет массу загадок о том, а что же было до этого самого сотворения?

В свойственной мне манере, при обнаружении некой фантомной (реальной мне тогда не встречалось) общности с чьим-то воззрением на окружающие дела, я начинал максимально сближаться и общаться с носителем сиего видения мира. Сближался довольно активно, что тоже нравилось далеко не всем. Делился тем, что тревожилось, о чём думалось и мечталось, показывал то, что волновало и радовало. Реакции в целом на такую коммуникацию были тоже разношёрстные. Однако, в данном конкретном случае общение завязалось довольно хорошо. В нём даже в те самые первые моменты уже можно было рассмотреть, что общность-то фантомна, но тогда ощутить это у меня не получалось. И я пытался подобраться к центру мною же созданного симулякра, и удивлялся, натываясь на какие-то препятствия, на неожиданные обрывы смысловых потоков в тех местах, где вроде бы и рваться им было бы совершенно незачем. Однако, и это меня не останавливало. Я словно бы шёл по карте некоей местности, может быть даже шёл на память, по чувству, и не видел, упорно закрывал глаза на то, что на самом деле местность-то совсем другая. И бился головою о всякие стены, каждый раз удивляясь, но всё же оправдывая их.

Замечание. Наблюдательность – это черта, выработавшаяся в ходе эволюции у всех живых организмов на том или ином уровне. Действительно, сложно было бы существовать на свете, вечно не обращая внимания на угрожающих хищников, это кончилось бы быстро и довольно плачевно. Однако человек, отгородившись от всего мира своею головой, породившей цивилизацию и прочие раковые опухоли, постепенно стал терять всякие качества, необходимые для жизни. И наблюдательность – в том числе.

И вот приключилась тогда очередная (или внеочередная, уже и не помню) встреча всего нашего "поэтического кружка". Встречи сии представляли собою в то время обычно прогулки по городу всем вместе, иногда с лёгким почитыванием собственных произведений, а больше просто с общением. И интересующий меня собеседник тоже собирался там быть. Мне такие сборища были самую малость странны в то время (сейчас, наверное, показались бы куда более

странными и неприятными), но всё же они радовали меня, да и опять же, намечались интересные разговоры.

Дело было в марте, в самой его середине. Ко встрече той я никак, конечно, не готовился, ибо это же не выступление никакое, а просто встреча друзей (как мы тогда себя громко и гордо называли). Но всё же возникало некое волнение у меня перед этим намечающимся мероприятием. Сам себе с трудом я мог его прояснить. Возможно, роль тут свою сыграли и чувства романтического свойства, проявляющиеся к объекту моего интереса, самые зачаточные, самые лёгкие и незначительные, но всё же обладающие указанным характером. Да, было и такое содержание в моём общении, ибо всегда оно присутствовало там, где была заинтересованность самим человеком. Всегда хотелось, чтобы человек тот был ближе, чтобы можно было любоваться им, отражаться в нём и его в себе тоже отражать, создавая причудливую систему зеркал, освещающую всё вокруг скопищем солнечных зайчиков, бегающих вокруг сами по себе. Да, возможно, что в этих чувствах было дело, но и не только в них. Тогда в целом происходила некоторая подготовка к глобальной перестройке меня, и, возможно, эта перестройка засветила из будущего своим мощным рентгеновским светом, посылая сигналы в настоящее, как будто предупреждая о грядущем.

Замечание. Как свет из окон дама напротив может много рассказать о том, что происходит, как живут люди за этими окнами, так и в целом, в глобальном смысле, большие дела имеют отзвук по всем направлениям, не только после себя, но и до. Научились же люди как-то заранее определять, что скоро там-то и там-то будет землетрясение. Плохо, но научились. Так и здесь – очень сложно, но всё же можно догадаться, если дозволительно здесь сказать такое мерзкое слово, что будет скоро нечто просто-напросто невъебенное. Мир имеет логику, только вовсе не человеческую, совсем иную, потому её так сразу и не видно. А тех, кто научился всё же её распознавать, величают ныне экстрасенсами. Забавно это, хотя и имеет свой смысл, конечно.

Кроме того, как раз в день намеченной встречи, а может быть даже за день до неё, я начал чувствовать, что заболеваю. Не было ничего особенного, просто потихоньку поднималась простуда. По свойственной мне манере, я никому не сказал, что заболеваю, просто втихаря пил таблетки для профилактики, да старался одеваться потеплее. Вот, собственно и всё. Очень уж не хотел привлекать внимания, ибо стоило прознать кому-нибудь иногда окружающему меня, что я себя не очень-то ощущаю, как к болезни прибавлялось ещё и осуждение за то, что угрозило же меня заболеть, и что сам я виноват. Непонятно это и дико звучит, но по неведомой мне причине так всегда получалось. Я даже и привыкнуть к этому успел. Грустно так, но всё же привыкнуть. Посему, выбирая между просто болеть и болеть и ругаться, я обычно максимально старался выбрать первое, дабы себе же облегчить участь. Да и заодно никого не поволновать лишней раз.

Да и действительно, в тот раз не было ничего критичного в этой болезни совершенно. Единственное смущающее обстоятельство заключалось в том, что болел я за тот год уже третий или четвёртый раз, а, не забывая, что на дворе был только ещё март. Тут я уже обратил на это внимание, ибо стоило. Уже ощущалась некая усталость от таблеток и прочей заплываемой мною дряни, да и вообще от вечно разбитого состояния, в котором всё функционирует как-то не очень исправно. Это меня расстраивало, но ещё пока не выбивало из колеи.

Да и вообще, стоило на такую частоту болезней обратить внимание ещё и в смысле глобальном, заметить, что это не так вовсе, как должно человеку быть. Что так дела не делаются. Конечно, есть множество глупых теорий, навроде того, что все болезни от нервов, и прочая мракобесная ересь, однако именно в этом случае они были ближе к реальности, чем обычно.

Нужно быть крайне недовольным положением вещей в своей жизни, чтобы постоянно из неё сбегать в болезнь. Неплохое такое замечание для всех ипохондриков, кстати.

Замечание. Действительно, в общем и целом время тогда было таким, что меня ничего толком не радовало, и при этом самым отвратительным было то, что ничего толком и не расстраивало. Это – самое опасное сочетание. Когда всё откровенно плохо, то ты мобилизуешься и пытаешься выбраться из засасывающего дерьма, как-то дёргаешься ещё. А тут – вроде и можно бы жить, и незачем суесться. И всё сходит в туман и беспросветный мрак...

И вот, собравшись тогда уже в путь на встречу с нашими поэтами, что-то особенно защемило в моей груди. Что-то заклокотало и вдруг явилось некой в этот раз очень уж явной дверью, ибо в тот момент посетило меня, когда я действительно выходил из своего дома, переступал свой порог. Я подумал о дворнике. Даже не так – я представил себе Идеального Дворника.

Покрытый щетиной, усталый, недвижимый, смотрел в одну точку за пыльным окном... А ветер колобродил в чуть пожелтевших листьях деревьев, трепал ветки в некоем неизвестном направлении. Дворник молча смотрел на это, улыбаясь чем-то внутри.

Ему было уже немало лет. И всю свою жизнь он был дворником. Ничем больше не занимался, да и заниматься не хотел – всегда ощущал, что это что-то его, родное и праведное. И так было радостно от осознания этого, что он даже плакал порой, счастливо и воздушно.

На своём дворе, тщательно выметаемом каждое утро, нашёл он и Источники Жизни, и философские камни, и всяческие смыслы да домыслы, в общем, всё, что только бывает, нашёл. Причём находил так, случайно и от нечего делать, даже иногда чуть ли не незаметно для себя самого. Находил и тихо радовался, улыбался про себя, да чесал затылок со свалывшимися волосами под драной ушанкой.

А выходил со двора он редко. Да и не чувствовал такой необходимости, разве что за продуктами иногда. Да и правильно – куда ж уходить, коли уж тут вот всё имеется, всё рядышком растёт и питает жизнью тебя.

А потом вдруг что-то затрепетало однажды в воздухе. Как раз тогда он, усталый и недвижимый, смотрел в одну точку. Что-то трепетало, вроде как и просто так, а всё же весело, смешно, улыбаясь. И он улыбался. Радостно распахивал дверцу, неторопливо чинно, и солнечный свет, тоже неторопливо и чинно, заполнял его каморку. А он шагал вперёд и растворялся вдруг.

Как сквозь землю...

Я так и замер посреди дороги в тот момент, когда добрался до этого места. Что-то лопнуло внутри, как перетянутая резинка. Рраз – и разорвалось. И я отчётливо почувствовал, что назад я уже не вернусь. Что домой сегодня придёт уже другой человек в моём теле, другой я, совершенно иной, хоть и очень похожий. Более того, ощущалось, что после этого обрыва резинки она отбросила всё, что было в жизни в последнее время, куда-то назад, в дальний угол. Всё улетело и забылось, всё потерялось, потеряло вес. Это было прекраснейшее чувство тотальной лёгкости, но с налётом некоторой душевной боли, похожей на ту же ностальгию, только чуть острее. Это и немудрено, ведь всё же не вот уж резинка там внутри лопнула, эта резинка была составной частью сердца...

Всё с меня облетело, и я словно бы очистился, словно бы снова обратился в *tabula rasa*, разве что с небольшим, нанесённым невидимыми чернилами орнаментом.

Замечание. Это я сейчас, через довольно осязаемое время могу так точно и ясно всё это описывать. Конечно, тогда это всё, хоть и ощутилось, но уж точно было понято и прочувствовано не до конца. Но это не так уж и важно. Совершенно не обязательно до конца понимать свои ощущения, чтобы они имели своё действие.

Добраться до места встречи было несложно, я жил не так уж и далеко от него. Более того, это место встречи было обычным, мы собирались там всегда, ничего, собственно, не изменилось. Только ощущения внутри были совсем иные. Что-то было отлично от привычного положения вещей, что-то выдавало грядущее. Конечно, я этого не понимал, только чувствовал, что не по себе.

День тот был сер точно так же, как и обычно бывают серы дни в марте-месяце. У меня есть целая система того, как ощущаются месяцы. Не знаю только, почему я назвал это системой, может и не напрасно, но всё же это просто общее, но довольно глубокое представление о том, как воспринимается, как проживается каждый месяц. И вот про март в этом контексте можно сказать так: этот месяц вызывает такое же ощущение, как словно бы ты переехал в другой город и первый раз после собственно переезда и разбора вещей выходишь на улицу. Вроде бы всё как обычно, ничего не изменилось с тех пор, как вчера ты пёр пианино на свой новый чёртов восьмой этаж да как расплачивался с водителем грузовика тремя бутылками водки, ибо далеко же ехал всё же, жопиться-то уж как-то стыдно. Вроде всё так, но ты совершенно не знаешь, что тебе делать, куда идти. Ещё не привык, не узнал, где находятся магазины, куда нужно отнести документы о переезде, как тут прописаться заново и все прочие такие разные, такие сложные и зачастую неприятные вещи. Или даже так – а куда тут можно погулять-то сходить? Ну то есть так, чтобы было приятно, по-своему, как нравится? Ты на своём месте, но полностью потерялся. Это время распутицы. Время сомнений. Но при этом – это не время выбора. Это очень важно. Здесь нет никакого выбора. В марте задачи не решаются. Всё остаётся как есть. Всё разве что экзистенциально лучше ощущается, узнаётся, но и всё на этом. Всё продолжается.

Замечание. Последний момент, касающийся отсутствия принятия решения – очень характерен для немалой части окружающего мира. Такой март – именно для него. Такой март – самое то, что вокруг. Недаром даже последние наши достопочтенные выборы – и те приключились в марте.

Так вот, был очень уж обычный, по-мартовски серый день, чуть снежный, но больше словно бы дождливый, на улице было скорее тепло. И было то же чувство, что я потерялся. Что я не знаю куда идти, и при этом идти, на самом деле, не очень-то и хочу, куда бы то ни было. Большая-пребольшая усталость, которая совершенно не была мною тогда осознана. Плюс ещё наслоившаяся на это болезнь сделали своё дело. Подводя итог, можно сказать, что прибыл я туда энергичным овощем. Да, делать ничего не хотелось, но не потому что не было на это сил или возможностей, а просто потому что не хотелось. К чему-то другому желание лежало, я был готов чуть не горы свернуть, но того, ради чего я хотел бы это совершить, просто не существовало тогда в нашем мире, да и в соседних не факт, что нашлось бы.

Замечание. Конечно, я не могу толком знать про другие, соседние физические миры, здесь сказано скорее для красного словца, ибо очень уж сильное ощущение такое. Если оно с вами случилось, вы его не перепутаете и согласитесь со мною.

На самом деле, о самой встрече, об интересующем тогда меня субъекте, о наших взаимодействиях, обменах шутками и любезностями я не буду здесь говорить, в этом не было совершенно ничего важного или примечательного. Вынужден категорически извиниться, если обманул чьи-то незаслуженные ожидания. Дело совсем не в этом. И интерес здесь представляло совсем не то.

Тогда мы очень много ходили, очень активно перемещались вокруг центра нашего города (мне всегда было непонятно, почему мы встречались в центре. Если поэты, так должны идти

туда, где вольнее дышится, туда, где есть о чём писать. Возможно, дело было в том, что поэтом я там был единственным.), заходили в какие-то магазинчики, кафешки, детские площадки. Кто-то за кем-то бегал, я помню. В общем, Содом и Гоморра под видом высокой культуры.

А я не сопротивлялся. Я решил тогда, что не хочу больше ничего делать. Что нет сил. Что я буду сидеть в теле своём и помалкивать, и принимать всё то, что на меня захотят возложить, всё то, во что меня ввяжут. И я ходил со всеми, будто бы весело смеялся, будто бы со мною происходило то же, что и со всеми товарищами моими.

Замечание. В моменты шока или какой-то крайней и нездоровой фиксации человека на каком-то внешнем раздражителе, он перестаёт реагировать на все другие, вплоть до боли. Здесь было нечто похожее, только не то что бы я не ощущал даже боль, я ещё как чувствовал всё происходящее, но я к этому не относился. Я рассматривал всё в виде наблюдателя, со стороны. И оценивал, делал выводы. Не вот далеко идущие, но всё же. И мне очень это нравилось.

В некий момент, видимо, расстановка сил изменилась. Действительно, если ты сам из себя выходишь, отпускаешь своё управление, то свято место пустеет, а всем известно, что таким оно вряд ли сможет оставаться долго. И вот, что-то тогда я и поймал, что-то поселившееся во мне, что-то, что сам я, фактически, и позвал завладеть мною, не телом даже, а вообще всем мною.

Сложно сказать какого плана было то нечто, про которое я сейчас говорю. Было это некое существо, энергия, мысль, идея – неизвестно. Только действовал я тогда явно отличным от обычного для меня способом взаимодействия с миром. Вообще всё, что тогда происходило, в тот самый день на той самой встрече, лучше всего было представить таким вот образом, давным-давно явленным мне, как некий луч света в тёмном-тёмном царстве. Это – целая картина жизни, пронесшаяся как воспоминание о том, чего никогда со мною не было, в то время как я находился с этими моими друзьями и соратниками. Картина сия точно описывает и начало той прогулки, и течение её, и останавливается в самом конце, когда мы уже распрощались, и каждый сделал шаг в сторону своего сугубого жилища.

История такая.

По миру ходило множество легенд и верований о том, откуда возник этот Человек. Все сходились к одному – он родился. Дальше шли бесповоротные различия. Нет смысла перечислять все варианты, я расскажу тот, который мне больше всего нравится...

Так вот, Человек родился, когда молния ударила в тысячелетний дуб. Правда, этому дубу тогда было от силы лет 10, он только начинал быть тысячелетним. В то утро над Местностью гроыхала сильнейшая гроза, ветер сгибал деревья чуть ли не пополам, многие из них после такого обращения обиделись и, не прощаясь, с корнями ушли из жизни. Но этот дуб выстоял все нападки, и тогда Шторму не осталось ничего другого, кроме как собственноручно искоренить его самым откровенным образом. Так и получилось.

В городе неподалёку, в отдельно стоящем маленьком домике родился Человек. Родился и заплакал. Не успев осознать ещё этот мир, он оказался выброшен в Шторм. Ну, не выброшен, конечно, он просто видел его из окна, но новорождённому хватило и этого. Он не испугался. Кричал он не из-за этого. Хотя, чёрт знает, из-за чего он тогда кричал, но уж точно не из-за страха.

Время шло, Человек подрастал, находил и терял друзей, пошёл в школу, вначале обрадовался новым знаниям, потом постепенно начал в них разочаровываться, в общем, жил обычной жизнью. Летом часто убегал за городскую черту, которая пролегла прямо за двором его дома, и, раскинув руки и смотря в небо, с криками бежал по полю одуванчиков на холме, который медленно, но верно уходил во впадину с крошечным озерцом на дне. Человек считал это озеро

своим тайным местом. Ему казалось, что никто больше не знает про него, он никогда никого не видел там, да и вода в этом озерце была настолько чистая и приятная, что просто не верилось, что в неё мог входить кто-то ещё. Наверное, так оно и было. Мало кто вообще выбирался за Городскую Черту, а уж дальше холма заходили только "Последние Герои", как любили говорить люди, посмеиваясь при этих словах. Человек плохо понимал людей. Да и мало слушал их, откровенно говоря.

В школе у него были проблемы с математикой. Ничего серьёзного, просто были проблемы. Его очень расстраивало такое положение вещей, ибо в действительности, глубоко в душе он всё же хотел, чтобы у него получалось всё. Но в данном случае это было не то что невозможно, но явно не стоило тех усилий, которые пришлось бы затратить. Поэтому для себя он решил сформулировать причину таким игривым и пафосным образом – Человеку было интереснее решать проблемы вместо того, чтобы решать уравнения. Потом, несколько позже, он себя корил ещё и за такое немислимое объяснение. Хотя, безусловно, такой ответ на незадаанный вопрос был абсолютно истинным.

Через некоторое количество времени Человек окончил школу, поступил куда-то и учился на кого-то ещё, хоть и всё так же куда больше любил решать проблемы. И вот, выучившись на этого самого кого-то и наконец-то став кем-то, Человек загрустил. С ним случалось такое, когда возникали проблемы, которые он не мог решить. Вернее, которые пока не придумал, как можно было бы повернуть, чтобы с детской улыбкой воскликнуть во весь голос: "Так вот же выход! Прямо у тебя под носом! Как же ты мог не заметить такую огромную дыру в стене?!". Обычно эти возгласы предназначались для него же самого, но были они ритуально-неизменны. Нельзя же делать что-то действительно важное в этом мире и не закричать от радости, когда дело будет кончено, даже если и кричишь в пустоту, из клетки которой звукам уже ни за что не выбраться. Человек знал про клетку, но всегда кричал.

А в этот раз ему взгрустнулось. Не самое частое явление, Человек не любил грустить, хоть и странным образом ценил это. Должно быть, как раз за редкость. Однако у него было извечное решение таких проблем. Он улыбнулся сам себе в душе, взял с комода свою шляпу-котелок и пошёл на мост.

На улице шёл дождик, но Человека это даже радовало. Он любил дожди. Он считал, что дожди не обманывают. Морозы он любил ещё больше, говоря каждый раз, что они всегда честны, а дожди всего лишь не обманывают. Однако это уже было большим прорывом для дождиков.

Так вот, человек пошёл на мост. Он избегал мостов, когда не был в печали. Сам не знал почему. Наверное, зря. Но, тем не менее, продолжал избегать, просто так. Вся магия моста заключалась для него в театре. Да, как бы это не звучало, оно было именно так... Человек обожал театр. Правда, он никогда в нём не был. Так уж получилось, он ни разу в жизни не был ни на одном спектакле. Даже всяческие школьные постановки каким-то чудом все до единой обошли его стороной. Он не понимал как это получилось, и даже не то что бы жалел об этом, но всё время мечтал каким бы то ни было образом попасть хоть на один спектакль хоть в какой-нибудь самый затрапезный театр, дабы хоть в какой-то мере оценить величие (или малость, как пойдёт) того явления, которое он пропустил. Но даже такой самый затрапезный театр находился на противоположной окраине города, и у Человека просто не хватало времени, чтобы пробраться туда. Даже в выходные на него постоянно валилось что-то, чуть ли не хороня под собой. То какие-то не уместившиеся кусочки его работы, то желающие пустоты общения друзья, то ещё что-то... Это огорчало человека, давило на него, но он всё равно улыбался. Так получалось.

В итоге, не то что бы отчаявшись, а скорее просто маниакально желая узнать побольше о театре, Человек начал читать книги об этом, смотреть какие-то пиратские записи известных спектаклей на старых затёртых кассетах и прочими способами пытаться выловить суть спек-

такля. И он выловил её, но не из книг и плёнок, а на мосту. Наверное, даже он сам не смог бы объяснить, почему он видит это так, он просто видел и всё. Видел людей, идущих по мосту в ярких и сразу бросающихся в глаза одеждах, с надетыми на лицо эмоциями, причём очень профессионально надетыми, не к чему было придраться. Да, как только эти же люди сходили с моста, их одежды переставали так яростно бросаться в его глаза, а эмоции переставали быть маской, но – это была территория Немоста. на Мосту все были актёрами. Человека немного печалило отсутствие зрителей, ведь получалось, что все вокруг только играли, а смотреть-то было и некому. Разве что проезжающие по мосту машины. Но и из них никто не наблюдал, откровенно говоря. Просто проезжали мимо по своим делам, разве что украдкой взглянув на то, что происходит на обочине, около перил, и тут же забыв про это и никогда уже не вспомнив. Человек знал это. Но ему и этого было достаточно. Он как никто знал о сиемоментности представления, для него это было как молния, что ознаменовала его рождение убийством непокорного дуба. Сиемоментность эта означала лишь, что представление не провально, если на него хоть на самую крошечную долю секунды, но всё же взглянули. Так и получалось.

И вот, на мосту весь мир был сценой. Бесконечно огромной, лишённой своего главного оправдания – зрителей, а потому и бессмысленной в самой последней инстанции сценой. Однако наблюдать за спектаклем было также интересно, как и общаться с актёрами. Они на славу потрудились ради нашего веселья, стоит улыбнуться и им. "Напоследок..." – почему-то промелькнуло в голове у Человека. Он даже сам испугался этого на какую-то долю секунды. А потом вдруг –

– Так вот же выход! Прямо у тебя под носом! Как же ты мог не заметить такую огромную дыру в стене?!

А затем он снова поднялся на ноги, взял да и выбросил всю эту сказку в мусорную яму напротив парка Победы. Он всё понял и ушёл дальше своею великой дорогой.

День 1.

ЧТО ЕСТЬ ДРОВА КОТОРЫЕ ГОРЯТ

А. Введенский.

Я не очень-то помню, как я вернулся домой. Вернее, помню хорошо, но не сам процесс возвращения, не все эти автобусы или маршрутки, пешие дохождения до указанного места, звонки в дверь и громыхания ключами. Это выбросилось из памяти за ненадобностью; даже не выбросилось, а и вовсе туда не входило. Действительно, с одной стороны, по тем временам я частенько возвращался домой в разбитом состоянии духа разной степени тяжести. Причины могли быть какие угодно, но чаще всего та самая одиночь, про которую я уже говорил. При этих возвращениях с прогулок, на которые ты даже не знаешь толком зачем вышел, мысли захватывают сознание полностью. Они говорят очень логично, строят исключительно верные цепочки причин и следствий, которые сводят чуть ли не в могилу и тебя, и всё тобою созданное как не имеющее смысла в самой последней инстанции.

Замечание. Вообще всё, что говорится исключительно с позиции логики и здравого смысла должно восприниматься как априори опасное. Ибо корни растут оттуда, где не ступала нога жизни, со всею её хаотичностью, непоследовательностью и припизднутостью. Следовательно, совершенно ясно, что отсутствие жизни может породить лишь новое отсутствие жизни, не бывает так, чтобы из пустоты появлялись великие вещи. Не правда ли логично?

С этими мыслями крайне сложно спорить, опять же, в силу их логичности и разумности. Но не только сон разума рождает чудовищ, его бодрствование может породить вещи даже ещё более страшные. Если говорить конкретнее, чудовища рождаются из сна нашего, это да, а вот когда разум просыпается, он начинает дорисовывать этим самым чудовищам недостающие черты, делать их действительно страшными, просто потому, что не терпит пустоты. Это – чуть ли не инстинкт сознания, если можно так сказать. С таким поведением не так уж сложно справиться, если не давать этому инстинкту собою властвовать, не давать ему права творить сущности. А чтобы это сделать, нужно просто быстренько эти сущности выгнать от себя куда-нибудь подальше. Но так легко пропустить момент, когда это нужно сделать, ибо новорождённые чудовища ещё милы и непривычны, и думается, что может они и будут такими маленькими и интересными кусочками собственной твоей души, собственной личности, и ничего не изменится, и будет всегда. И не приходит обычно в голову в нужный момент, что так не бывает на свете, чтобы не выросли дети, по крайней мере, не бывает так просто.

Замечание. Для того чтобы оставаться ребёнком (читай – собою), нужно прикладывать невероятное количество усилий в каждую минуту каждого дня. Это – одно из величайших геройств.

С другой стороны, не помнил я дороги и по гораздо более бытовым причинам. Я возвращался домой уже более двадцати лет своей жизни чуть не каждый день, и те же самые 20 лет жизни домом я называл одно и то же место. Как же тут не привыкнуть уже к тем путям, по которым туда возвращаешься? Даже если их было очень много, за такую прорву времени можно было бы исходить их все до полной незамечаемости, а к моему дому можно было подойти всего-то с трёх разных сторон.

Замечание. С одной стороны моего дома была автобусная и троллейбусная остановки, оттуда я возвращался чаще всего. С другой стороны была моя школа и детский сад. Оттуда я возвращался реже, но почти всегда в более приподнятом настроении, нежели с первой стороны. В третьем направлении было продолжение спального моего района, там мне не очень-то нравилось быть, но иногда приходилось, и возвращаться оттуда приходилось тоже. С четвёртой же стороны были гаражи, много-много гаражей и речка-срачка. Оттуда я не возвращался никогда.

И вот, не помня дороги, добирался я домой и ложился затем спать с точно определённым ощущением, которое сложно описать, сложно разбить на составные части, но с которым необходимо это проделать, ибо несёт оно в себе крайне много информации. В первую очередь, здесь и причиной, и следствием было то, что после сией долгой прогулки я начал разбалчиваться окончательно. Это всё ещё был так называемый нулевой день болезни, когда с тобою уже что-то происходит, но ты ещё пока не можешь в точности понять, что же именно. Тебе нехорошо, но ты не осознаёшь до конца насколько. Ты злишься больше обычного и тоже не понимаешь почему. У тебя появляются странные мысли и ощущения... Хотя, последнее, возможно, имело под собою другие корни, а именно – те самые, о которых я сказал выше. Я подцепил некие проблемы не совсем физического плана. Что-то просто пошло по другому направлению.

Обычно организм человека работает по принципу рационального, стараясь взять большее, отдав меньшее. При болезни, как правило, возникают проблемы либо с тем, чтобы что-то взять, либо с тем, чтобы что-то отдать. В некоторых случаях бывает так, что принцип рациональности нарушается, мало берётся, много отдаётся, или и то, и другое происходит в недостаточном или избыточном виде, или ещё что-то, тут может быть масса различных вариантов. В таком случае возможны самые разные причины, от болезней психики (которые всё же стоит несколько выделить из всех остальных болезней) до просто особенностей личности, которые настолько же легко могут менять условия работы нашего организма, как хулиган-пятиклассник может сбежать с урока математики, если товарищи позовут его с собою в овраг кидаться камнями в лягушек.

Замечание. Наверное, примерно по такому же принципу древние учёные и философы классифицировали болезни. Конечно, это неверно в последней инстанции, но здесь есть очень хорошее зерно верной классификации, той самой, что лежит глубже симптомов и причин, на уровне возникновения возможностей болезни. Мракобесная ерунда, но с очень хорошим и человеческим лицом.

И есть особый вид функционирования организма, когда рациональность вообще не может приниматься в расчёт. Это когда всё тело, весь ты, вплоть до эмоциональных реакций и даже мыслей, становишься средством выражения некой идеи, концепции, силы. Концептуальное существование человека. Это свойственно всяческим одержимостям, всяким ослаблениям воли, гипнозам. Я также думаю, что все те люди, фигурирующие в рассказах очевидцев о том, как "кто-то был рядом, сказал мне не ходить туда, я не пошёл, и вдруг упал большой камень ровно туда, куда я и направлялся, я повернулся к тому человеку, чтобы его поблагодарить, а там никого и нет", все эти таинственные и неуловимые личности есть не что иное, как концептуальные человеки.

В этой теории есть два особо интересных момента. Во-первых, концептуальность существования предполагает, что оно должно быть ДЛЯ КОГО-ТО. Не может быть такого, чтобы это просто случилось, и никто не увидел, никто не понял, просто из определения подобного состояния это следует напрямую. И когда это состояние нападает на человека обычного, то в

любом случае по крайней мере ему уже всё будет явлено, уже есть некий наблюдатель, уже есть тот, КОМУ это всё направлено. А вот с пропадающими личностями вопрос открыт, ибо самый логичный вариант здесь состоит в том, что эти личности являются для того, чтобы их увидел не просто КТО-ТО, а некий ОПРЕДЕЛЁННЫЙ человек, они являются с определённым ПОСЫЛОМ и СМЫСЛОМ. И вот тут становится даже страшновато, если представить себе такие силы, которые не поленятся воссоздать человеческое существо хоть на несколько мгновений, дабы кому-то что-то разъяснить.

Замечание. Если посмотреть вокруг, поискать, таких историй найдётся великое множество. Если посмотреть вокруг внимательно и поискать получше, то можно заметить, что нечто подобное, только в менее феерических масштабах происходит с нами каждодневно и повсеместно. Если уметь видеть, любое сотрясение воздуха в мире уже говорит тебе, именно тебе, о том, что произойдёт, или что нужно делать, или куда не нужно ходить. Весь мир непосредственно кричит на человека по поводу его жизни, а тот и не замечает.

Отсюда очень легко перейти и ко второму волнительному моменту, собственно, почти озвученному. Это ведь кому-то надо, получается. Хорошо, можно легко представить себе некую бабку в деревне, которая может такие дела свои тёмные и неясные творить, что не то что люди дополнительные откуда ни возьмись появятся, а и черти на огонёк заглянут среди бела дня. Но ведь свидетельств масса, и явно уж на всех такими бабками не напасёшься. И чаще это всё возникает по причинам, вообще словно бы от человека независимым. Значит, кому-то надо с людьми в неких таких вот, обычно довольно крайних, опасных, экстремальных ситуациях пообщаться, о чём-то сообщить или показать. Или наоборот – умолчать. Значит, кому-то человеку понадобился. И тут вот становится уже не по себе окончательно.

Замечание. Действительно, весь мир орёт на человека, а один какой-нибудь голос (а может быть и не один даже) орёт громче остальных. И вот что хочешь с этим делай и думай себе всякое. Бесспорно неверно также говорить, что сам человек тут не при чём. Это уж совсем несусветная глупость.

Так вот, возвращаясь к нашему рассказу, здесь имело место, конечно, первое воплощение этого концептуального естества. Оно разворачивалось на протяжении последующих четырёх дней, о которых, собственно, здесь и пойдёт речь.

Заканчивая же тот, нулевой, день, стоит сказать о некой канве, некоем общем духе, который постиг меня в то время. Его видение открылось мне полностью только на последний день моей болезни за одной из внезапно распахнувшихся дверей, но для логичности повествования стоит описать это здесь, в самом начале, говоря о том моменте, когда оно возникло. Мне явился я сам, за которым я наблюдал со стороны. Был словно бы сам себе призраком, сам себе Большим Братом, только таким, который не вмешивается, который живёт и наблюдает, испытывает свои переживания и молчит, ибо не может ничего сказать. Потому что здесь и буду говорить я о себе же, но в третьем лице.

Замечание. Мне вообще нравится говорить о себе в третьем лице. Сразу же возникает ощущение отчуждённости, а оно приносит с собою и более точное, более чуткое понимание происходящего. Даже не знаю толком, почему я начал всё это писать со своей позиции, от своего лица.

Неисповедимы были пути его, да никто и не исповедовал. Не из корыстных побуждений, не из злых устремлений, просто так сложилось исторически. А он шёл и шёл, шурша всем

ближайшим на ухо всяческими наводнениями и водопадами. Известно ведь, что вода, являясь человеку во сне, обычно приводит его к смерти. Он либо тонет, либо разбивается о воду, либо она смывает всё, что у него есть. Может и что-то ещё. А он как будто бы хорошо с нею взаимодействовал. Не то чтобы ходил, аки некий божок, а скорее погрузался, дышал ею, и всё было нипочём.

Однажды наступила засуха. А может, это было цунами. Очень сложно точно сказать. Там явно присутствовала японская тема, что-то про самураев, может оттуда и взялось это "цунами". Скорее всего, на самом деле был самый обыкновенный наш русский девятый вал. Или засуха. Да, наверное, всё-таки засуха. И мир превращался в пустыню. Особенно колоритно выглядели в этом случае города. Мегалополисы с развитой и социально ориентированной инфраструктурой, засыпаемые песком чуть не до третьего этажа. Очень важно здесь отметить, что песок не был горячим.

В этой засухе всё куда-то подевалось. И город, и лес (он там тоже был, хоть я и не очень понимаю как. В детстве я бывал в неких лесах, где сосны росли прямо из песка, довольно плотного, впрочем. Он весь был усыпан иголками, шишками, местами даже попадались грибы, и вид от этого был вполне даже обычный, пока не копнёшь землю ногою и не поймёшь, что это вовсе и не земля. Не стоит, однако, умалчивать и забывать о том, что обычно такое встречалось на кладбище, что придавало некие особые цвета и послевкусия всей этой картинке. А тут было иначе. Совсем не было грибов, почти незаметными были листья и иголки, а деревья стояли, словно бы по колено в песках. Именно так – по колено, потому что их зелёные кроны создавали впечатление, что те вот прямо сейчас сорвутся и убегут из этого постороннего ими мира. Но они не бежали. А листья, иголки были такие зелёные...) стояли на местах, людей не было, но их и всегда почти что не было на Земле. А что-то всё равно было не так. Это ощущение похоже на покойника в дорогом костюме. Пока человек жив, этот костюм прямо-таки блистает на нём, но стоит лишь умереть (такая малость!), и самый дорогуший пиджак расплзается на грязные тряпки.

Дело было вовсе не в песке. Привычный со времён песочных часов символ времени теперь вызывал совсем другие ассоциации. Да он и вообще их не вызывал. Тут не было времени. По крайней мере, ему так казалось. Будто солнце и заходит, когда ему вздумается, ехидно усмехаясь. Дни то тянулись неделями, то неслись поминутно друг за другом. И он злился на дни. Дни же в ответ молчали.

Нет, дело было не в песке. Его как будто бы даже и вовсе не было, он его не замечал иногда вовсе. Многие, наверное, позавидовали бы такой вот особенности организма – не замечать повсеместный холодный песок, но дело это, на самом деле, довольно обычное.

Только вот непонятно, о чём же мне говорить дальше. По всей логике повествования, должны быть какие-то свершения, победы, да хоть просто что-то должно происходить. Но ничего не происходило. Он просто жил в этом мире и всё. Жил как все, ничего такого. Так бы и жил себе, наверное, если б не мучали две вещи его.

1. Он не понимал, откуда взялся этот песок. Он не помнил момент, когда тот появился. Это не удивительно, всё произошло очень давно. Теперь у него в голове была такая картина произошедшего: как-то раз, в один из дней, он лёг спать в своём обычном доме в привычном мире, а проснулся в пустыне-городе. Я тоже не знаю, как это произошло, но вижу такой вариант развития событий невозможным, но очень подходящим. Да и, в конце концов, не так уж это и важно, правда? Но вот ему было важно.

2. Это странное и неизъяснимое изменение, скажем так, внутреннего облика города не давало ему покоя. Все, наверное, видели фотографии улиц и домов из Припяти. А теперь и от домов его города возникало такое же ощущение. Нет, они вовсе не выглядели такими же, были гораздо новее, современнее тех известных пейзажей, но ощущение оставляли после себя точно такое же. Может быть даже и посильнее. Глядя на те дома, создавалось стойкое чувство,

что там когда-то жили и работали. Здесь же была не менее твёрдая уверенность, что никогда и ничего не происходило. Я сознательно говорю здесь только про город. Пустыня-лес просто пугал его. Это был глубокий мистический ужас, и часто снились сны, как эти родные места, словно целая тайга, разом срываются с места и убегают вдаль, отнюдь не к солнцу, в совершенно противоположную сторону. Он теперь почти не бывал в лесу.

И вот, описав это, я снова сталкиваюсь с проблемой, ибо требуется же некое заключение для злодеяний, выпавших на долю нашего героя, на худой конец – хотя бы какой-то вывод уж должен быть. А ничего нет. Всё так и тянулось, так и продолжалось. Очень долго, наверное, хотя сложно сказать, ведь не было времени вовсе. Он так и ходил по песочному городу. Или дома лежал, коли было совсем уже грустно. И всё пытался что-то понять. А пыльный шарик крутился по небу, унося его вместе с собою в не менее пыльные неисхоженные дали. Вот и всё.

У этой истории есть некоторое продолжение, но о нём в своё время.

Заключение. Вспоминая рассуждения о времени, нельзя не упомянуть и о его вопиющей нелинейности. Вернее – чересчур дискретной линейности. Какие-то события подвисают в воздухе, дабы осуществились иные дела, какие-то словно бы даже и завершились вовсе, а тут вдруг взяли и продолжились на самом интересном месте. И как тут можно серьёзно относиться к таким проделкам, скажите мне?

Здесь как бы в скобках хочется заметить, что задверное это явление я привожу здесь и в таком виде, ибо именно тут оно на своём месте. В самом конце настроение, атмосфера, да вообще всё было уже совсем другое, хоть и явилось сие именно тогда. Ничего удивительного, на самом деле, и скоро будет понятно почему.

Именно с таким тягостным и щемящим чувством отсутствия жизни, отсутствия происходящего чего-нибудь, я возвращался с той встречи домой, я что-то делал там, дома, я ложился спать. Всё это звучало где-то на подкорке, фоновым шёпотом, сияло водяным знаком на картинке реальности, которую я уже очень старался отпустить, проваливаясь в нездоровый сон.

Я всё же вернулся в тот день домой, самим собой, только очень унылым и не по-хорошему задумчивым. Не совсем те изменения, которые я ожидал в себе увидеть...

На следующий день проснулся я уже в таком состоянии, что болезнь мою ни с чем нельзя было перепутать. Опять же, стоит здесь заметить, что на самом деле ничего примечательного в самой этой простуде не было. Всё происходило крайне рядовым образом, настолько, что даже и говорить об этом казалось бы чем-то крайне пустым и глупым, если бы речь шла о болезни. Но в ней просто более явно отражалось то, что и так бы со мной происходило в то время, несмотря ни на какие внешние обстоятельства. Вообще говоря, мне очень даже повезло тогда, что я разболелся, ибо смог всё это, явленное мне, рассмотреть куда как более явно и полно, и если что и пропустил, то не так уж и значительно.

Замечание. Это ведь только я так думаю, что пропускал незначительно. Это с моей, сугубо человеческой точки зрения ничего такого тут не произошло, чего бы я не заметил. Да и любой сородич мой подумал бы так же, а то и ещё лучше про самого себя. А уж что мы там упускаем на самом деле – одному неизвестно кому известно.

Так вот, проснулся я от собственного кашля. Горло моё было сухим и жжёным, как пески Сахары (в не совсем здоровом состоянии человек склонен драматизировать всё на свете, не стоит обращать на это слишком много внимания, если вы живёте с таким человеком бок о бок, и обращайтесь ещё как, если стремитесь углядеть во всём происходящем именно то, что касается непосредственно вас. Неадекватные реакции вокруг обычно ярче всего отражают то, что мироздание думает о вас. Если это и не так, то, по крайней мере, это довольно красивое

обоснование того, что корень данного утверждения всё равно верен, несмотря ни на что.). Чувствование себя было очень ущербным и разбитым, совершенно не хотелось вставать с кровати, и безумно радовало то, что, по большому счёту, вставать мне было и некуда. Ни работы, ни учёбы в то время не было, торопиться некуда, надрываться негде. Тишь да гладь, да божья благодать, только я очень не любил валяться на кровати в любое время, если только я не спал или не ложился спать. У меня начинала кружиться голова, тошнить и ещё всяческие прелести праздного бытия. Сознание (или подсознание?) моё, видимо, хотело, чтобы я всё время что-то делал, куда-то бежал, пытался достать до самых высоких гор, воспарял над ними запредельным орлом, да даже настолько, чтобы никому с земли и не видно было меня вовсе. Похвальная цель, да только любые попытки хоть как-то перевести дух на этом пути заканчивались такими вот "восстановлениями справедливости". Довольно болезненными, как можно уже догадаться.

На самом деле, ситуация не вот уж уникальная и ничем особо не примечательная. Разве что, кроме того, что обычно в ней участвует более одного человека. Все эти ужасно справедливые родители, записывающие своих чад на все существующие курсы и кружки, дабы те "развились" и "не тратили лучшее время в жизни для достижения результатов на всякую ерунду"; все эти тренеры и позитивно настроенные ко всему на свете товарищи, которые своим неумолимым позитивом и признанием прекрасного в том, что их окружает явно между строчек пинками гонят всех, кто вслушивается в их крамольные речи расшибать лбы о горы придуманных проблем; все наши великие слова про то, что "настоящий кто-то там должен" – всё это оттуда, того поля ягоды. И, как можно заметить, тут всегда имеет место внешнее вмешательство, даже пусть оно и будет со стороны стереотипов и общественных мнений, не привязанных к конкретным личностям. Всё равно – это нечто внешнее, то, что человек на самом деле никогда в себя заживо не примет.

Замечание. Подавляющее большинство, чуть ли не все психические проблемы человека возникают в результате его взаимодействия с социумом. Очень важный и содержательный факт.

Здесь же ситуация была другого свойства. Мои пинки самому себе под зад были именно на все сто процентов моими, я сам создал все причины, всю идеологию и технологию собственного пинания. И даже более скажу – я до сих пор свято уверен, что это – одна из самых важных и значительных вещей, которые я сделал для себя самого. Конечно, тогда я жестоко перегибал палку относительно строгости к себе для достижения результата. Если в тебе нет ни грамма таланта, ни капли чувств или ума, ни маленькой толики жизни, но жить ты всё же хочешь, то единственный путь твой – это жестоко вьёбывать, выжимать эту жизнь вместе с собственным потом из всего, тебя окружающего, всё пропускать сквозь себя, как через жернова святой мельницы, которые сам же и будешь вертеть голыми руками. Только это ведь не всегда так сложно. Можно ведь и просто запустить то, что в тебе есть, как часовой механизм весёлой бомбы, с одним лишь отличием – бомба срабатывает резко после того, как ничего не происходит, разве что нарастает в воздухе напряжение. Здесь же принцип работы точно такой же, только происходят перемены ежесекундно, ежедневно, ежесобытийно. Потому и может показаться или подуматься, что цель достигается плавно, постепенно и медленно, а не так, что сегодня ничего, а завтра всё. Но и это неверно. Нельзя забывать о количественных и качественных изменениях. Каждый день мы накапливаем возможности подняться выше, но от одних только возможностей сыт не будешь, рано или поздно нужно ими воспользоваться, перейдя на новый уровень, новую ступень. Это и есть срабатывание того часового механизма светлой и прекрасной бомбы.

Замечание. Я научился плавать за одну зиму. Важно заметить, что ни в какие бассейны я в жизни не ходил, от силы в ванной полёживал периодически. В проруби тоже никогда не

купался. И тем не менее – в августе плаваю аки заправский топор, а уже в мае – вполне себе сносно и на уровне. Примерно так и происходят такие вот взрывы.

На самом деле, то, что происходит в таких обстоятельствах, отлично описывается следующим образом. Я не очень его люблю, ибо это единственный случай на моей памяти, когда я пытался самостоятельно, вручную открыть двери, оттого он вышел каким-то притянутым за уши. Хотя, возможно, это я всего лишь придираюсь...

Смеркалось. Человек забирался на метафизическую гору. Путь был долог и тернист, крутые тропинки мозолили его ноги, глаза и душу, а деревья, за которые можно было цепляться, попадались нечасто и, даже если попадались, были обычно какими-то сухими и полудохлыми. Человек был вынужден частенько делать привалы, путь очень выматывал его. А так – разожжёт костерок, посидит у него с часок, покурит, поплачет, посмеётся, да, выдержав долгую паузу ужаса, дальше пойдёт. Всё вверх и вверх.

Человек постоянно пытался понять, куда ж он всё-таки карабкается, но до конца так и не мог этого осмыслить. Он знал, что лезет на горы для убийства. Вершина горы должна была стать местом преступления. Это было совершенно ясно. Туманной оставалась только личность жертвы. Сначала человек считал, что проходит через всё это (совершенно сознательно, надо сказать) чтобы убить некоего своего врага. Какого-то абстрактного, а может быть и очень даже определённого злыдня, с которым условились встретиться в таком труднодоступном и неподобающем месте для пущей важности события, чтобы была такая дуэль всей жизни, не больше, не меньше. И не убить даже целью было – победить. В таких ситуациях обычно используют это слово. Историю пишут победители, поэтому он и считал своё дело правым, единственно верным и заслуживающим уважения и всех тех жертв, которые приносили этой своей тернистой дорожке. Однако в какой-то момент другое начало приходит ему на ум. Именно приходит, само по себе, человек совсем не звал такие мысли. Просто что-то то ли снаружи, то ли изнутри начало нашёптывать на ухо – а враг ли? Когда такое стало случаться, человек особенно много времени повадился проводить на своих перекурах, и чем больше думал, тем яснее осознавал – врага-то я побеждаю, это уж как пить дать. Да только убиваю я не его. Касаюсь чего-то совершенно другого. Враг-то вообще не здесь, не с нами, как и гора эта. Его нету, но он вечно вокруг. Где бы и с кем бы я ни был. Идёт по пятам, не оставляя следов, не производя ни звука, никак себя не выдавая никому, кроме меня, да и то очень изредка. А убиваю я самого близкого друга. То есть настоящего, который вот тут, со мной, чуть ли не в соседнем доме живёт да на работу в одном автобусе ездит. Он смеётся вместе со мной, водку пьёт по праздникам за компанию, денег вот 100 рублей одолжил вчера. Милейший он человек, на самом-то деле, весёлый такой, добрый. А я что? Я – просто герой. Я врага побеждаю, некоего летающего, душевны помехи вызывающего, побеждаю, да. Только кол в сердце будет у совершенно другого существа.

В моменты прихода таких мыслей человек хотел бросить всё и сбежать ко всем чертям с этой треклятой горы и не вспоминать о ней боле. Да только что-то кружилось вокруг, то ли ветер, то ли снег, то ли осеннее утро, полное дождей и пробок на дорогах, то ли ещё что похуже, и заставляло стоять. Спускать всё это на тормозах. Плакать, самобичеваться, путешествовать отнюдь не туристом по блокадным Ленинградом, но не отступать. Ни под каким предлогом. И человек стоял так вот, замерев, скрипя зубами, с дикими ручьями слёз на лице, и не мог сделать ни шагу вниз, обратно по своей незавидной тропинке. Подолгу стоял так. Потом, наконец, брал себя в руки. И карабкался дальше.

А далее вдруг, совершенно внезапно, случился один день, ничем не примечательный на первый взгляд. И всё было обычно-праздно, карабкался себе человек дальше да карабкался. И тут, совсем неожиданно, докарабкался до вершины. Сам ошарашился немало, ибо тропка-то вроде, пока шёл по ней, и не планировала кончаться, и вдруг раз – и всё. Финиш.

Подивившись этому, осмотрелся человек на вершине своей. А на вершине ничего и нет. Валуны всё те же лежат, камни поменьше, снежком немного припорошено, да и всё. Только дорожки вверх больше не видать. Странное дело, подумал человек. Вроде и не с чего, а всё ж совсем не так свою вершину человек видел.

И снова повисла на шее его многотонным камнем длинная пауза ужаса. Понял человек, что теперь-то надо что-то делать, что вот теперь-то уже не отвертишься, что кончились все горные отговорки. Домыслы свои не котируются более. Средства достигнуты, теперь нужно хватать свою цель. А руки-то тут и задрожали. И желание было вот сейчас, ни секунды не медля, забраться под стол, словно в детстве и прятаться там от всего мира, от происходящего вокруг, только не было на вершине горы никакого стола. Слёз тоже не было, как и разочарований, и геройства, всё осталось на той дорожке. А на вершине дискомфорта с них не имеется, тут и лагерь уж можно разбивать. Да что там, хоть дом возводи, да живи себе поживай, да добра наживай. Но не за тем на гору человек поднимался.

Сковала необходимость действия. По рукам и ногам связала. В смирительную рубашку трезвости сунула в мгновение ока. И никак уж не выбраться, ни рукой, ни ногой не пошевелить, только если решиться на что-то. Но уж коли решиться, так больше уж всё, не вернуться обратно, ничего не исправить, просто сделать, смотреть это всё как кино, хоть и, может быть, страшное, очень уж личное, но просто кино, где в конце будут титры.

И стоял человек так, изнывая от связанности, и роиться в нём начало что-то другое, новое, незнакомое. Он начал ходить по вершине кругами, вперёд да назад, непонятно зачем – так казалось, а ему было ясно, он учился великому делу, самому главному на вершинах таких вот огромных немислимых гор – он ходил взад-вперёд и, чуть слышно, учился не оставлять за собою следов.

И вскоре случилось – никто так и не умер.

Враг потерял человека. Кружил и кружил вокруг него, да найти и не смог. И улетел.

Обещал вернуться, когда тот появится.

Да только всем было ясно, что обратной дороги больше уж нет.

Была лишь вершина. И не было спуска с неё на все времена.

Такие дела. К этому всему единственное добавление считаю нужным осуществить, ибо на самом деле образ проявил всё даже лучше, чем я мог ожидать. Единственное что – забежал он несколько вперёд, ибо многих вещей, о которых сейчас сам и рассказал, сам я тогда не понял, это как бы дальнейшее развитие того-самого нежелания спокойно отдохнуть, история частично о том, что случится после того, что есть на сей момент, о том, как дело дальше пойдёт.

Замечание. Ещё раз можно вспомнить прошлое замечание, про нелинейность времени. Ибо вот же, было дано мне великое знамение, да не признал я его, сверкнуло светлое будущее, да не увидено было. Обидно и смешно, честное слово.

Так вот, момент, касающийся этих вот перекуров, оттягивающих развитие событий. Может показаться, что это – как раз то, от чего я бежал, то, что сам себе запрещал – потеря времени, пустота сиюминутных удовольствий и прочая куча высокопарных слов. На самом же деле, как бы не так. Это, возвращаясь к не так уж давно высказанным умным словам, негативный выбор, как он есть. Ведь все пути, на самом-то деле, находятся крайне легко и непри-нуждённо, только вот осознать это сложно. И на новую ступень как перескакивать прекрасно известно, не изначально, конечно, но с довольно раннего времени работы над этой ступенькой. Только чтобы это понять, нужно не только задачу порешать, но и отойти от неё, чтобы оценить затем в полноте свои все решения. И именно этого-то я себе и не давал сделать, считая, что не поместятся в такую глупую головешку такие глобальные мысли. И загонял их глубже и глубже, больше и больше теряя с ними связь.

В то же утро я действительно, даже при всём желании, никаких выходов бы не смог найти, ибо не то что не соображал ничего, а даже не чувствовал себя толком. В болезни в организме образуется слишком много сигналов, перекрывающих друг друга, и в итоге ты вообще перестаёшь понимать, что происходит, даже если когда-нибудь и имел какую-то крупицу понимания.

Замечание. Намёк на другую классификацию болезней, на другое проявление их нездоровой природы. Слишком много разных сигналов = отсутствие сигналов. И ничего ты уже не видишь и не понимаешь. Вспомните Интернет.

И вот тем утром решил я, сам толком не ведая ещё почему, что эту мою болезнь нужно записать. Конечно, идеальным решением для этой задачки было бы вести видео-дневник, но тогда не пришло мне это в голову, и решил я действовать по старинке, заведя обычный, именно для этой болезни.

Записи те описывать должны были то, что я делал, что чувствовал, и что думал на счёт того, что со мною происходит, но вышло чуть иначе, чуть позже скажу. В них как раз-таки и выражалась лучше всего та концептуальная составляющая моего тогдашнего существования. Я буду приводить здесь эти записи целыми большими кусками, ибо не стоит их ни править, ни как-то менять, дабы не растерять всё то, что изначально в них было заложено.

Замечание. Журналистика – вещь вообще потрясающая, только все те вещи, все подходы, весь её вид и не меньше половины содержания представляют собой лишь неперерабатываемые отходы. Ведь о том, что конкретно случилось, сколько людей полегло, какого размера был град и т.п. всегда можно узнать у каких-нибудь оказавшихся рядом психов (они всегда оказываются рядом). Это не самая уникальная информация. А вот захватить дух происходящего, выразить то самое, настоящее, что действительно здесь и сейчас произошло – никто не берётся. И это даже порицается. И никто не узнаёт о главном.

Я взял отдельную тетрадку и задумался. Действительно, хоть и писал я дневники с детства, с разной, конечно, периодичностью, порою забрасывая дела свои на несколько лет к ряду, ибо не чувствовал в этом потребности, но такой задачи передо мною не стояло. Ибо вот если обычно, дневник свой заполняя, о чём повествуешь? О том, что случилось, что получилось, сбилось, что делал сегодня, сам или с кем-то, да как проходили часы. Здесь же история должна была быть другая. Ну что произойти может, пока ты сидишь дома и болеешь? Друзей нет, никто не приходит, делать ничего не делается, да и не особо хочется... О чём же писать? Но чувствовал я, что писать необходимо, и не ошибся в этом ни разу. Собравшись скорее с духом, нежели с мыслями, честно решил я начать с этого волнующего момента.

Я не знаю, как должны выглядеть эти дневниковые записи. Нужно ли сообщать общие сведения о погоде, состоянии мировой общественности, курсах валют и проч. Что ж, тем мне легче, несвязанным я получаюсь. Ну, или несвязным. И так хорошо. Итак, приступаем.

Сегодня я чувствовал, как слёзы мои капали прямо на кольца Сатурна. Хотя я и не плакал, и в космосе не был вовсе. Но слёзы летели в далёкие дали, какие-то несуществующие, очень веские, категорически много значащие, словно шестнадцатизатажные дома. Предутренным солнцем те слёзки согреются, тёплой водичкой туда упадут, где-то по осени, пускай будет дождик. Я верю, его следы там когда-нибудь непременно найдут. Будут гулять по Сатурновым кольцам какие-нибудь разумелые сириусята, а там вдруг – три слёзки, которых и нету. Вот подивятся! Вот озадачатся! Может быть, даже и сами всплакнут... Мало ли.

У меня температура. Не знаю насколько большая, градусник в другой комнате, я не могу добраться до него, там слишком далеко. Эта прихожая будто бы бесконечна, ну её! Не пойду. И так ясно, что жар. Но это не страшно. Это я так ведь весну подгоняю, это я так помогаю снега растоплять, словно костёр из той сказки про вечную зиму. Точно такой же, как тот костёр. Только дыму поменьше, я курить бросил. И это хорошо.

Здесь сразу же можно заметить, что это оказались вовсе не дневниковые записи, как я изначально планировал. Это – поэзия, чистая и настоящая, ибо возникла тогда, когда не звал её, не сидел на кухне, куря треклятую сигарету и размышляя о том, а не написать ли мне стиха какого-нито? Дай-ка, пожалуй что, и напишу! Нет, здесь само всё явилось, я даже сам заметил это лишь после своего возвращения в сравнительно здоровые ряды человеческой общечеловечности, если применимо будет здесь такое пошлое название. Более того – поэзия сия некоего заговорного толка, не по смыслу, но ритмически (а может и по смыслу тоже, я не очень силён в заговорах. По крайней мере, я очень бы хотел, чтобы такое действие сии слова имели...). Если внимательно посмотреть, то явно заметно, что в какую-то такую сторону утягивается речь периодически. Это уже было явлено мне, дабы понять я возымел возможность, что сейчас всё случается не просто так, но тогда я этого так и не уразумел.

Замечание. Вообще вся эта история в момент своего протекания была словно бы совершенно не осознаваема мною. Я вообще не замечал всех этих важных вещей, окружающих со всех сторон, наблюдал за чем-то другим, за какой-то ерундой. Всё происходило, как в отдельной маленькой жизни. Вообще, чтобы что-то понять из происходящего вокруг, необходимо хотя бы раз в день предаваться смерти. Тогда всё, что уже приключилось, сможешь увидеть со стороны и, наконец, обратить внимание на важные черты.

Эти слова про кольца Сатурна, так же, как и всё подобное, что будет здесь ещё явлено гораздо дальше и больше, это и вовсе вишенки на торте праздника, который моё тело мне же и устроило. Такие галлюцинационные образы, такие яркие краски на чистом холсте – это потрясающее отражение того, что видел я вокруг себя, а скорее даже – как я это видел. Везде была сказка. Я воспринимал всё происходящее одной большой и очень правильной историей, да события так и разворачивались, словно бы кто-то о них мне просто рассказывал, а не я там был и ходил босиком. Отчасти и это – причина моего такого вот видения, а отчасти – результат того, что концептуальность бытия порождает ещё большую концептуальность бытия. В общем и целом, могу смело здесь утверждать, что это были действительно самые мои любимые моменты во всём жизнеописании тех дней.

Замечание. Здесь можно наблюдать интересный контраст того, что только что было сказано и прошлого замечания. Да, осознание тогда отсутствовало чуть ли не как класс, однако являлось и замечалось мною тогда великое множество всего такого, что никогда не увидишь, не найдёшь вокруг себя в обычном своём состоянии. Это очень важный момент. Словно бы состояние в трипе, когда под мощью схваченного потока не можешь его отдельно рассмотреть, разобрать. Это всё нужно потом ещё долго устаканивать в своей голове.

Говоря о дальнейшем, температура всё же действительно была. Позже я всё же добрался до градусника и намерял там что-то не очень значительное, но и не вот уж совсем не стоящее внимания. Всё же нужно было полечиться. Когда же это писалось, я совершенно не хотел идти к этому чёртовому градуснику, ибо как взглянешь на него, как используешь по назначению, так и точно разболеешься. И так мне всё было ясно. То, что я не мог до него добраться – это преувеличение, или, по крайней мере, речь здесь явно не о физической невозможности.

Просто не хотел болеть, вот и всё. Потому и решил болеть молча, вдруг на болезни сработает та же тактика, что и на сплетни – если не распространять, то и не будет развиваться, и подохнет в зародыше. Конечно же, так это не работает.

Отдельно хочется подчеркнуть ещё раз, что болеть мне очень не хотелось, и это было... не ошибкой, конечно, ни в коем случае, человеку вообще очень редко свойственно именно желать себе болезни. Но это было большим недосмотром, опять же, с моей стороны. Если бы не всё это, происходящее вокруг, то я даже бы и не знаю, что осталось. Всё бы могло исчезнуть, самого меня забрав с собою. И исчезнуть не как весёлые ребята или буддистские монахи, прорвав своей жизнью ткани реальности и выйдя вон в сияющие светом святые пустые места, а просто раз – и нет тебя, и не было никогда, и говорить о тебе больше нечего. Получите, распишитесь.

Замечание. Нужно немного объяснить, зачем я, собственно, объясняю свои же записи, ведь это дело очень вредное. На самом деле, это даже не столько объяснение, сколько взгляд с другой стороны, извне концептуального бытия. Это может позволить полнее и яснее понять и представить то, что тогда происходило. Это – как съёмка сразу с двух камер, одна в руках у главного героя, другая – у оператора.

По поводу "курить бросил" – даже не знаю, зачем я здесь написал это. Ибо, ставя последнюю точку в этом абзаце, пепел сигареты в моей руке упал как раз на свеженаписанную строчку. Я ещё очень громко рассмеялся тогда. Видимо, задумался в тот момент, и решил, что было бы замечательно высказаться в каком-то таком ключе, да и записал, не очень-то соотнося с реальностью то, что пишу. А потом упавший пепел заставил к этой-самой реальности вернуться. и вот, на таком очевидном контрасте и родился радостный и добрый, громкий смех. Я не стал убирать эту фразу. После таких приключений она нравилась мне куда больше.

Что же касается сказки про вечную зиму, то сейчас я вам её расскажу. Стоило бы раньше сделать это, но здесь недаром я вспомнил о ней, ибо тогда ощущал нечто подобное, мысли мои шли тем же путём, теми же тропами. Всю первую половину дня преследовали меня такие вот ощущения, такие вот стремления и выводы, как в этой миленькой детской сказочке, которую читал я как-то однажды в лесу, в середине ранней весны, надеясь, что чудо всё же случится, хотя бы раз и хотя бы где-то во всей необъятной Вселенной.

... В какой-то момент человечеству пришлось искать себе новый дом за пределами Солнечной системы. В ней не осталось больше мест, пригодных для жизни, а на родимой Матушке-Земле уже давно яблоку негде было упасть. И тогда, как по заказу, учёные обнаружили не так уж далеко от привычных мест очень даже подходящую планету. Она была в несколько раз больше Земли, но имела почти в точности такую же природу, ту же продолжительность дня и ночи, тот же состав атмосферы, а так же чистую воду, пригодную для питья. Возможно, жизнь там просто-напросто не успела ещё зародиться. Говоря "жизнь", я, конечно, подразумеваю собою фауну, ибо растительный мир был представлен очень богато и ярко, намного ярче, чем можно вообразить. Это было что-то сродни тому, какой была наша зелёная планета во времена динозавров. Только их самих не было, и никого, кто мог бы сам перемещаться с места на место – не было. Но кто успел – тот и съел, и человек с радостью начал переселяться.

Планета эта имела очень интересную географию – она состояла из двух крупнейших материков, омываемых ещё куда более громадным океаном. Люди так и расселились поровну, но связи между этими материками требовали времени на свою наладку, и можно сказать, что эти два материка были разорваны друг с другом. Человечество на одной половине планеты знало только то, что на другой есть другая половина этого самого человечества, и ничего больше. Прогресс не очень помогал в решении таких проблем даже при тогдашнем своём уровне. Да и уровень-то, на самом деле, был не такой, о каком можно подумать. Все силы людей ушли на то, чтобы полететь к новым звёздам, на остальное просто не хватало времени и сил.

И вот в какой-то момент началась зима. У меня нету достоверной информации про другую часть планеты, я говорю только про один материк с полной уверенностью, поэтому отныне его называю миром, землёй или как-нибудь ещё. Так вот, на земле началась зима. Она пришла буквально через несколько месяцев после того, как люди окончательно переселились на новую планету, и, конечно, при всей феноменальной схожести этого места с их родным домом, это никого не удивило. Но шли месяцы, и ничего не изменялось... Когда зима не уходила уже в течение нескольких лет, люди стали беспокоиться...

За время, которое прошло до прихода вечных метелей, человечество успело неплохо расположиться. Были отстроены города и селения, организовано какое-никакое производство, жизнь начала вставать на круги своя. И тут пришла зима... И ничего в этом новом мире не изменилось, грубо говоря. Всё так же работали заводы, в деревнях на синтетических кормах рос скот, люди ходили на работу и с работы, кто-то из них смотрел в привычное ещё со времён Земли серое зимнее небо и что-то чувствовал – кто-то улыбался, кто-то ругался про себя, у кого-то были мечты и прочее, и прочее. По вечерам в деревнях, устроившись поудобнее у камина, добрая половина человечества потягивала свои сигары или трубки, попивала что-то горячее или горячительное и смотрела в окно, как медленно падает снег, слегка отражая огоньки города. А собаки выли на Новую Луну...

Но это длилось только первые несколько месяцев. Когда зима дала совершенно точно понять, что она не собирается никуда уходить отсюда, люди забеспокоились. Не то, чтобы они стали что-то делать ради возвращения лета, скорее просто более внимательно вслушивались в прогнозы погоды. Люди просто ждали, когда же закончится снег и когда он растает и откроет перед ними снова вид их Новой Земли.

А снег, надо сказать, действительно временами таял. Порой на несколько дней наступала оттепель, планета как будто хотела сбросить накопившуюся влагу обратно в моря, а потом снова наставали морозы, метели и серое-серое небо. На людей такие приступы действовали очень провокационно. Сколько радости было в глазах бегущих по главной улице города с раскинутыми в разные стороны руками взрослых и солидных людей, когда Новое Солнце сияло в чистом голубом небе, испепеляя этот уже давно опостылевший снег, и сколько разочарования в тех же глазах на следующий день, когда тучи снова прятали всё тепло... Но это продолжалось недолго. В какой-то момент всё просто поугасло, глаза потускнели...

Через время появилось и подросло первое поколение детей зимы, которые никогда в жизни не видели своей планеты без пелены снегов. Они читали об этом в ещё земных книжках, видели ещё земные фотографии, и не верили в то, что такое бывает. В этот-то момент люди не на шутку перепугались – такой скептицизм у детей задел их за живое, и даже в какой-то степени опьянил их...

Было найдено безумное решение "зимнего вопроса". Хотя, наверное, к такому положению вещей как ни к чему другому относится фраза "каков вопрос – таков ответ". Люди стали жечь костры. По всей планете, на каждые 10 – 15 квадратов горел большой костёр, растапливающий снег. Все единодушно поддерживали пламя, а представители закона ходили рядышком и присматривали за порядком. В огонь бросалось и лилось всё – палки, брёвна, каменный уголь, нефть и бензин (благо, очистка воздуха была в то время на высоте, и человечество не задушило само себя), даже мебель и книги. Сожжение проходило круглосуточно, всё новые и новые виды и единицы топлива безвозвратно сгорали во имя безумно самонадеянного и отчаянного дела. Стоит заметить, что некоторые художественные достояния земной эпохи были уничтожены в этом огне абсолютно и окончательно, все их копии пошли на разгон зимы. Чем дальше двигалось дело, тем взволнованнее бились сердца у всех людей этой планеты. Откровенно говоря, мало кто верил в успех, но абсолютно все беспробудно на него надеялись...

И вот в какой-то момент что-то щёлкнуло в голове у этой самой планеты. Снег перестал валиться с неба, начало становиться всё теплее и теплее, перелётные птицы вернулись только

им ведомо из каких тёплых краёв. Снег окончательно растаял, весь мир как бы смирился с тем, что зима и правда подзатянулась, и пора уже её заканчивать.

А люди... Люди как стояли, так и замерли, раскрыв рты от удивления. На их глазах произошла победа, и они боялись говорить кого над кем, дабы не спугнуть момент. Они махом скинули свои тулупы, шубы и шапки, и крепко обнялись. Всё человечество в тот миг крепко обнималось...

Только одно не давало людям окончательно сбросить камень зимы со своих душ – небо. Над их головами было всё то же холодное зимнее небо. Оно не было уже таким серым и хмурым, но даже в самый солнечный день это было зимнее небо. Под ним не могли загореть даже те, кто усиленно пытался это сделать, а таковых после этой зимы было огромное множество. При всей теплоте вечерних улиц, на них не хотелось задерживаться допоздна, потому что сверху что-то очень сильно давило. Был раздрай, нестыковка, и человечеству от этого было не по себе...

А потом... и у людей что-то щёлкнуло. Их глаза, вновь раскрашенные неожиданным летом, снова потускнели, чтобы признать это самое лето всё в том же нейтральном небе. Конечно же, никто этого не заметил. Просто в один из дней мир проснулся и вдруг признал, что наступило лето. Всё те же серьёзные взрослые люди бежали по главным улицам городов, раскинув руки в стороны с бесцветными, но горящими глазами. Люди скапливались на пляжах, обильно загорали и купались, ходили в лес за грибами и ягодами, гуляли тёплые ночи напролёт... В деревнях всё та же добрая половина человечества по вечерам устраивалась уже на веранде со своими сигарами или трубками и горячими или горячительными напитками, и смотрела на звёзды в безоблачном небе...

А собаки всё так же продолжали выть на Новую Луну...

... В какой-то момент родилось первое поколение детей лета, которые видели зиму только на картинках или читали о ней в книжках. И они не верили в неё...

Потрясающая сказка! Огромное множество образов и смыслов! Но в то время меня особенно волновал и особенно вспоминался один момент, а именно – эти бесцветные, но горящие глаза тех, кто признал лето в зимнем небе. Это было очень точным описанием собственных моих чувств. Я ощущал болезнь, я думал о болезни, и как будто находился в самой обычной болезни, в рядовой и непримечательной простуде. Но речь шла совсем о другом. И это было незаметно. Вернее, это было не замечено мною.

Замечание. На самом деле, сказка эта отразилась во мне намного глубже, в каком-то смысле повлияла на всю жизнь. Причём, повлияла уже post factum. Мне всё это было известно про себя, всё уже узнано и прочувствовано. Здесь я лишь только узрел сие в более ярком виде. И оно заняло свое постоянное место в душе как образ мысли, образ действий.

В итоге, просидев в тишине и покое несколько часов, собравшись с духом и, наконец, позавтракав, я решил выйти из дома и пройтись куда-нибудь, может за лекарствами, а может и просто подышать воздухом. Я знал, что иногда и такого достаточно, чтобы помочь организму, что, может быть, он просто задохнулся, и в этом вся и проблема. Конечно, это была крайне глупая и неверная мысль. Но, тем не менее, я поднялся, наконец, с готовностью одеваться и выдвигаться. Неверные мысли создают новые идеи, секты, верования, научные теории, которые, в свою очередь, совершенно не обязательно будут неверны.

Замечание. Однажды меня вылечили от жёсткой затянувшейся простуды баней. Однажды мне потребовалось, чтобы ветер дунул сильнее в ухо, чуть не оглушив, чтобы прошёл начинающийся отит. Однажды (а может и даже далеко не однажды), только лишь начиная ощущать свою температуру, мне хватило просто выйти на улицу и долго и капи-

тально погулять по своим любимым местам и окрестностям. Вывод – организм вечно требует чорт знает чего.

И вот тут нужно привести следующий отрывок из дневников того времени:

Так вот, что сообщить-то надо: тут что-то наступает. Я вот лежу сейчас тут и чувствую, как там, в прихожей что-то наступает. Громко так стучит по полу, то ли подошвами, то ли копытами. Кажется, видится даже оттуда какой-то свет, но голова моя повёрнута в другую сторону и видит только совершенно неясные отсветы от пластикового окна. Вообще даже кожей что-то ощущается. Хотя, может быть, это просто жар. Может быть, просто от волнения мурашки идут. Да и ощущение слёзок по космосу тоже, знаете ли, подбавляет изюму в пасхальный сей день. Нет, не то чтоб Пасхальный, а просто ну очень, очень и очень уж полный всем миром, полный такой, что аж лопнет вот вдруг.

Так вот, кто-то ходит в прихожей. В комнату ко мне не заходит. Будто бы там круги наворачивает в своих штиблетах. А лучше б зашёл. Чувствую я, что жар мой сильнеет, чувствую, словно куда-то плыву по огненной речке... Будто уж даже пахнет горелым... Но это проходит, куда-то в себя. Сознание забывается, спать очень хочет. Потому и желательней уж, чтоб зашёл этот дядя, что пред самою дверью нервно так ходит, кругами, кругами... Пора бы... Пора...

Да, как только я поднялся на окрепшие в решимости ноги, это ощущение присутствия так ярко сверкнуло в сознании, что не оставило ни капли сомнений в верности своей, и подогнуло такие уверенные секунду назад колени. Никого ведь не было дома, я это точно знал. Да и не мог никто, ни один человек, не только знакомый, а вообще НИ ОДИН ЧЕЛОВЕК не мог так ходить. Это было слишком громко, слишком тихо, слишком остро, и грозно, и мягко, вселяло тревогу непомерной величины и в то же время не угрожающе вовсе звучало. Словно бы занимался кто-то своими делами, которые меня вовсе и не касаются. Такими делами, которые за пределами понимания, которые лишь могут эхом отзываться в сознании и капать глубже внутрь, как и те шаги. И при этом было совершенно ясно, что это ко мне, что это для меня тут стучат и громыхают.

Замечание. Какие бы это ни были важные дела, но если они происходят не здесь, если хоть частью выходят за рамки реальности, об этом сразу же нам подсказывается тем, что выглядит всё до крайности важным и многозначительным. Словно бы каждую секунду перед глазами проносится по книге, со всем подробностями сюжета. Оно и логично: всё, что связано с чем-то настоящим в этом мире, связано ещё с чем-то и в каких-то других пространствах тоже. А то, что настоящее, всегда многозначно, всегда объёмно и грозно своею лавиной смыслов.

Такое чувство сложно перепутать. Очень просто не заметить его, но нельзя ошибиться в нём, если вдруг ощутил. Ко мне была явлена другая концептуальная сущность (думал я), она хочет мне что-то донести (думал я). Я должен понять, что происходит. Но в тот момент понятно было одно – идти нельзя, по крайней мере туда, в прихожую, по крайней мере сейчас. Ни в коем случае. Невозможно ошибиться в своём истинном страхе, даже если он кажется беспочвенным. Если ты боишься, значит, почва есть. Здесь же страх был настолько силён, что мне и без градусника было понятно, что на меня накатывал жар, уже куда более ощутимый, куда более близкий и реальный, чем прежде.

Мне не хотелось смотреть в сторону тех звуков. Голова действительно отвернулась от двери, упорно не желая с этой дверью встречаться взглядами.

Замечание. Обычный защитный механизм, чего уж тут. Человек вечно пытается не заметить что-то, что выходит за рамки его представления о мироустройстве. Отчаянно и бескомпромиссно пытается. И я пытался здесь это делать. Только вот я уже эти шаги заметил, уже услышал их, потому и оставалось только одно – отвернуться. В детстве, когда меня пугал сильный ветер за окном, я просто отворачивался от окон и затыкал уши, чтобы не видеть и не слышать, как гнутся деревья. Здесь я делал нечто подобное, по-детски глупое и настолько же спасительно-бесполезное.

Здесь может возникнуть ощущение, что моё поведение странно в том смысле, насколько апатично я принял то, что происходило. С одной стороны, это ощущение не совсем верно, ибо хотя бы про страх я уже сказал. Кроме него, само собою, были и другие чувства, но они были даже и вовсе не так важны, поскольку здесь вступает в игру другая сторона. Да, действительно, с внешней точки зрения, с той, которую мог бы увидеть другой человек, будучи он вдруг, на свою беду, тогда у меня дома, я был апатичен до невозмутимости. Я упал обратно на своё кресло, отвернулся от двери, да так и сидел, смотрел в это окно. Окно вообще было моим главным другом в той квартире, я ощущал от него, от вида за ним чуть ли не поддержку в любых жизненных ситуациях, в любых состояниях и при любой погоде за этим самым окном.

Замечание. Как можно понять по прошлому замечанию, дружили мы с окном не всегда. Во время моего страха перед ветром, а именно перед гнуцимся на ветру деревьями, мы очень сильно враждовали. Однако страх сей в некоем возрасте, приближающемся к началу сознательности, внезапно прошёл, а затем, медленно, но очень верно, мы с окном стали всё чаще и чаще глядеться друг в друга. Однако тогда я не знал, что мы настолько близки, что в критической ситуации я буду искать его помощи.

Да, меня вдруг накрыло такое нежелание вообще двигаться и что-то делать, что я никак не мог заставить себя хоть как-то реагировать на шаги в прихожей. Я знал, что ОН не войдёт. Что он здесь не для того, чтобы входить и какие-то страшные вещи со мною делать. Нет, тут всё было глубже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.